

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

НИКОЛАЙ ЕРЕМЕЕВ

Путешествие с
изумрудом

Николай Еремеев

Путешествие с изумрудом

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Еремеев Н.

Путешествие с изумрудом / Н. Еремеев — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Волею случая герой нашей книги Андрей Русаков попадает в крайне неприятную, порой даже - смертельно опасную ситуацию. Для того, чтобы остаться в живых и сохранить жизнь своей любимой, ему предстоит пойти на сотрудничество с очень серьезной преступной организацией. Контрабанда, погони и перестрелки - всего этого слишком много даже для более подготовленного человека. Но Андрей без страха и сомнений идет на сделку с негодяями, не забывая, впрочем, что такие люди не слишком любят оставлять в живых нежеланных свидетелей. Содержит нецензурную брань. Данное произведение является первой книгой трилогии (Путешествие с изумрудом, Москва-Бангкок-Москва, Ковчег обреченных), но может рассматриваться и как самостоятельное литературное произведение.

© Еремеев Н., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

Любые совпадения имён, и событий, упоминающихся в этой книге, не более чем случайность.

Пролог

25.05.1980

Шифрограмма. Весьма срочно. Временно исполняющему обязанности начальника областного управления КГБ по Крымской области подполковнику Соловьёву.

Довожу до вашего сведения, что 27.05.80 в поезде № 62 Москва– Симферополь прибывает гражданин Кравченко Юрий Олегович. По имеющимся агентурным сведениям, означенный гражданин имеет целью закупку большого количества иностранной валюты у неустановленного лица (лиц), проживающего в городе Ялта.

Приказываю: установить наблюдение за означенным гражданином сразу же по его прибытии в Симферополь, выявить контакты и пресечь возможную сделку по закупке иностранной валюты в зоне вашей ответственности. Для обеспечения операции использовать все необходимые средства аудиовизуального контроля.

Об успешном завершении операции по пресечению деятельности банды валютчиков доложить незамедлительно.

*Зам. начальника 3-го управления
генерал-лейтенант Воскобойников.*

Перечитав несколько раз шифрограмму из Москвы, подполковник Соловьёв обхватил голову руками и задумался. Поразмышлять было над чем:

– Как же это агентура валютчика проворонила, а? Дармоеды! Совсем нюх потеряли. Москва про нашу фарцу в курсе, а мы нет. Вон до чего дошло: сам Воскобойников телеграммы шлет. Ну, что ж, хорошо: обезвредить, так обезвредить.

С одной стороны это прекрасная возможность получить третью звездочку на погоны. А вот с другой... Ведь если валютчиков упустить, тут не то, что звезду потеряешь. Могут и вовсе погон лишить. А вместо пенсии – волчий билет в зубы. Здесь промашку дать нельзя. Иначе все годы службы псу под хвост. Подготовиться нужно основательно. Впрочем, еще большие сутки впереди, успеем, – решил полковник, хлопнул ладонями по столу и потянулся к селектору:

– Надя, всех замов ко мне. Срочно!

Когда через десять минут они собрались в его кабинете, то по лицу обычно невозмутимого подполковника поняли, что случилось нечто экстраординарное.

– Вот, полюбуйтесь! – потрясая перед носами ошарашенных замов листком расшифрованного текста, басом гремел Соловьёв. – Мало того, что валютчика доморощенного проиляли у себя под носом, так ещё и в Москве об этом известно стало!

Это надо же до такого докатиться! Сам генерал Воскобойников указывает, что на подведомственной нам территории матёрый валютчик действует. Аж в столице деяги да фарцовщики знают, куда нужно за валютой ездить! А ваши оперативники в барах да ресторанах на казённый счёт только жопы просиживают. Почему до сих пор не пресекли? Каких-то хипарей, да мелких фарцовщиков ловите, а крупную рыбу проглядели!

Замы сидели, подавленно уставясь в полированную поверхность стола, боясь вставить хоть слово. Соловьёв не терпел, когда его подчинённые пытались оправдываться. Назначенный на эту должность совсем недавно, он не успел ещё проникнуться духом и спецификой оперативной работы в непростых условиях всесоюзного курорта.

Сидевший до назначения сюда замом в далёком Челябинске, он в жизни не видел живьём ни одного иностранца. Вся его прежняя работа сводилась в основном к одному: не допустить

утечки информации с тракторного завода. Объяснить ему, что полторы сотни оперативных сотрудников, работающих в районе Ялты, просто не в состоянии физически проконтролировать тысячи иностранных граждан, прибывающих на отдых в Крым, было невозможно.

Кроме того, полторы сотни оперов, из которых добрая половина была направлена сюда из других городов для укрепления порядка в курортном городке перед Олимпиадой, должны были хоть изредка спать и есть. Чем не без успеха пользовались местные фарицовики. Уж они-то не знали ни сна, ни отдыха, безудержно мотаясь по набережной, барам, ресторанам и заповедным рощам, которые так любили посещать иностранные туристы.

Поэтому местным оперативникам очень многое удавалось сделать только с помощью своей собственной агентурной сети. Ну а что собственные стукачи не донесли о крупном валютчике, так это значило только, что он крайне осторожен и не спешит светиться среди другой шушеры. Рано или поздно и о нём бы стало известно, но вот незадача: Москве стало известно раньше. Значит, приходилось терпеть, выслушивая несправедливые упрёки нового начальника.

– ...Этот подонок, этот отщепенец, который окопался и действует у вас прямо под носом, мало того, что позорит нашу страну перед иностранцами, так ещё и подрывает экономические устои нашего государства... – ещё полчаса вещал подполковник оперативникам городского управления, вошедшим в бригаду по разработке и проведению предстоящей операции.

Значит так, в силу особой серьёзности момента, а также особой опасности его деяний, приказываю: в предстоящей операции использовать любые средства для достижения цели. Необходимо установить и обезвредить валютчика в самые короткие сроки. Отличившиеся будут отмечены в приказе.

Приезжий скупищик обязательно выведет нас на продавца. Самый лучший вариант – взять их с поличным во время сделки. Через двадцать минут организуйте транспорт в Ялту. Поедем разбираться на месте. Обеспечьте проезд по всему маршруту и явку ответственных за предстоящую операцию лиц в городское управление Ялты. У меня всё, можете идти, – закончил Соловьёв, поворачиваясь к собравшимся спиной.

– Внимание, граждане встречающие: скорый поезд №62 по маршруту Москва-Симферополь прибывает на первый путь, – послышался из вечно хрипящего вокзального динамика певущий женский голос. – Нумерация вагонов от головы состава.

В мгновение ока слонявшиеся прежде туда-сюда вдоль перрона граждане встречающие встрепенулись, принялись суетиться, прикидывать, где же остановится тот или иной вагон, словом – забегали. И только молодой человек лет тридцати ничем не примечательной внешности лениво потягивал пиво прямо из горлышка бутылки, облокотясь на стойку ларька. Бегать и суетиться попусту ему не было нужды. Он отлично знал, где должен остановиться вагон №9 СВ и стоял ровно у того самого места.

Поезд катил вдоль перрона свои запыхавшиеся дорогой вагоны, плавно замедляя ход, пока, наконец, не остановился. Как и ожидал молодой человек, девятый вагон остановился ровно напротив ларька. Однако, он не поспешил, как иные встречающие, к открывшейся двери вагона, а всё так же стоял, изредка отпивая из горлышка.

Пожилый, уса́тый проводник, кряхтя и бормоча себе что-то под нос, протёр вагонные поручни сомнительной чистоты тряпочкой и встал чуть сбоку от ступеней. На перрон по одному стали вываливаться нагруженные чемоданами курортники. Носильщики, договорившись о цене, ловко перехватывали багаж, ставили на тележки и сноровисто катили их к выходу с перрона.

Одним из последних на ступеньках вагона показался высокий сутулый парень в голубой курточке-ветровке и такого же цвета джинсах. Никакого багажа кроме небольшого чёрного

атташе кейса при нём не наблюдалось. Ступив на перрон, парень как бы нехотя пробежал взглядом по толпе встречающих, но, не обнаружив вокруг ничего заслуживающего внимания, неспешно двинулся к выходу в город.

Буквально следом за ним на перрон спустилась молодая пара. Пока девушка рассыпалась в благодарностях перед проводником, её спутник натренированным глазом прошёлся по толпе встречающих и, по каким-то, только ему ведомым признакам, мгновенно угадал оперативного сотрудника в молодом человеке у ларька. Обменявшись с ним понимающими взглядами, он кивком головы указал на движущуюся вдоль перрона сутулую спину в голубой ветровке.

Получив отмашку, пивший пиво молодой человек сунул пустую бутылку в окошко ларька и, забрав двенадцать копеек за сданную посуду, лениво пошёл вслед за сутулой спиной. Вокзальная суета, а также толпы пассажиров, заполнивших перрон, были ему только на руку: в такой толчее даже опытному человеку очень трудно обнаружить слежку.

Выйдя на привокзальную площадь, оперативник, не упуская из вида сутулого, подошёл к потрёпанной, выдавшей виды “копейке” и, открыв дверцу, скомандовал:

– Витюша, подъём! Вон за тем, в голубой куртке.

Дремавший на месте водителя полный мужчина лет сорока, не торопясь, со вкусом потянулся и повернул ключ в замке зажигания. Однако, вопреки ожиданиям, утробный рык мгновенно запустившегося и отлично отлаженного движка дал понять, что, несмотря на внешний вид скакуна, сердце у него не самое слабое среди десятков других спецмашин южного берега Крыма.

Тем временем объект их внимания потолкался среди кучки таксистов и частных извозчиков, наперебой предлагавших желающим с ветерком добраться до Ялты. Выбрав приглянувшуюся ему “волгу”, он перекинулся парой слов с водителем и уверенно забрался на заднее сиденье.

Провожаемый завистливыми взглядами остававшихся пока без пассажиров коллег, водитель “волги” залихватски заложил вираж по привокзальной площади и, влившись в поток машин, покатыл по улице. Следом за “волгой”, но уже без излишнего лихачества, а наоборот, совсем неприметно, привокзальную площадь покинула потрёпанная “копейка”.

– Ты, Кеша, опять пивком пробавлялся, пока клиента ждал? – спросил водитель “копейки”, неодобрительно косясь на напарника.

– Маскировка, Витя, должна быть максимально естественной, – ухмыльнулся Кеша. – Чтобы никто не заподозрил фальши, тем более – объект. И даже сам Станиславский не смог бы сказать: “Не верю!”.

– Ох, Кеша, смотри, взгреют тебя вместе с твоим Станиславским, – неодобрительно заметил водитель, стараясь не упустить из виду лавировавшую среди потока машин “волгу” с объектом.

– Ладно тебе бурчать, лучше клиента не упusti, а то тогда не то что взгреют, а и яйца оторвут, – ответил на замечание Кеши, он же старший лейтенант Комитета Государственной Безопасности Иннокентий Порохов. И, поднеся ко рту микрофон портативной рации, заговорил:

– Первый, Первый, я Седьмой. Объект принял, следуя за ним в сторону Ялты.

– Седьмой, я Первый. Смотри, чтоб он вас не засёк. Как понял?

– Сделаем.

Через полтора часа, когда так и не обнаруживший за собой слежку объект регистрировался у стойки администратора в гостинице “Ялта”, Порохов с лёгким оттенком зависти заметил:

– Смотри, Витюша, и бронь у этого сучонка самая что ни на есть крутая: из самого Совмина. Небось, и люкс получит с югославской мебелью.

– Сегодня люкс, а завтра нары, – философски заметил Витюша. – Зато у нас стабильность: и сегодня и завтра койка в общежитии. Давай-ка, лучше пойдём, перекусим маленько.

– То-то и оно, что койка в общежитии, – отозвался Порохов, двигаясь вслед за напарником в сторону буфета. – Никакой личной жизни! Когда ещё свою квартиру дадут? Надоело всё это!

Объект пасли плотно. Ещё бы: личное приказание самого Воскобойникова. Каждый шаг, каждое слово приезжего отслеживались и фиксировались на фото и магнитную плёнку. В наблюдении были задействованы даже коридорные и горничные гостиницы. Все, кто так или иначе вступал с приезжим в контакт, моментально проверялись на предмет их возможной причастности к валютным операциям. Но за двое суток непрерывной слежки за объектом никаких подозрительных контактов отмечено не было. В основном он проводил время на пляже, так, словно и в самом деле прибыл в Ялту на отдых.

Наконец, на третий день неусыпного надзора, старания оперативников были вознаграждены. Группа наружного наблюдения зафиксировала кратковременный контакт объекта с официантом гостиничного ресторана, неизвестно каким образом оказавшегося в рабочее время на пляже. Фланирующей походкой тот прогуливался некоторое время среди отдыхающих и в какой-то момент оказался совсем рядом с объектом.

Перекинувшись с ним парой слов, официант сунул тому в руки какой-то клочок бумаги, и быстрым шагом направился прочь. Объект развернул записку, прочитал послание и, прихватив с лежака гостиничное полотенце, направился к себе в номер. Буквально через десять минут бригадой прослушивания номера был зафиксирован телефонный разговор объекта с неустановленным лицом, звонившим в номер. Из разговора следовало, что встреча объекта с продавцом валюты состоится ровно в девять вечера в парке, прилегающем к территории гостиницы.

Тотчас же штаб, планировавший проведение операции, затрясло, как в лихорадке. Для её проведения был собран почти весь оперативный состав городского управления. Спешно выдернули из ресторана и допросили с пристрастием официанта, передавшего объекту записку. Из его показаний следовало, что автором записки является часовых дел мастер Полищук, промышляющий мелким ремонтом часов в палатке на набережной Ялты.

Словоохотливый официант был до поры до времени изолирован, а к часовой палатке отправилась оперативная группа. Ещё одна группа отправилась по месту проживания часовщика и устроила засаду неподалёку от его дома.

Поставленная задача была проста и незатейлива: задержать валютчиков с наличным. В целях исключения каких-либо незапланированных ситуаций во время операции, почти все скамейки в парке определили под целующихся влюбленных, сплошь и рядом состоящих из работников городского управления.

На подступах к парку расположились две развесёлые компании, горланивших песни хриплыми, пьяными голосами. По задумке руководителя операции, они должны были отбить охоту у случайных, романтически настроенных парочек к вечерним прогулкам по парковым аллеям.

К девяти часам, когда уже достаточно стемнело, в кармане куртки лейтенанта Порохова оживилась рация:

– Внимание всем! Объекты приближаются к парку с разных сторон. Никакой самостоятельности не проявлять, брать только по команде.

Кеша Порохов уже истомился ожиданием, изображая вусмерть пьяного отдыхающего, разлёгшегося отдохнуть на травке неподалёку от зарослей юкки. Верный принципам Станиславского, он, в целях маскировки, на свой страх и риск прихватил в засаду небольшую фляжку водки и теперь, выпив её почти всю, страшно мучился от нестерпимой жажды.

Услышав сообщение по радиации, он немного приободрился: наконец-то закончится томительное ожидание, и можно будет спокойно хлебнуть ледяного пивка в гостиничном буфете.

Из всех радостей, которые изредка выпадали на его, Кешину долю, превыше всего он ценил именно это.

Так хорошо мечталось под кружечку пива о том времени, когда он станет майором, или даже полковником. Тогда ему не нужно будет часами сидеть в этих безумных засадах, выслеживая очередного мелкого фарцовщика. И у него будет не койка в ведомственном общежитии, а собственная двух-, а то и трёхкомнатная квартира. И тогда уже он сам будет приказывать в рацию: “Внимание всем!”.

Точка, которую ему определили для засады, находилась несколько в стороне от предполагаемого места сделки. Поэтому и в задержании валютчиков он, скорее всего, участвовать не будет. А значит и награда ему за эту операцию будет не ахти: ну, может быть, благодарность начальства. А внеочередное звание и новая квартира, как всегда уйдут начальнику горуправления.

Эти, а может ещё и какие другие мысли, лениво перекатывались по затуманенному алкоголем Кешиному мозгу до тех пор, пока операция не пошла, что называется, “под откос”. Что уж там у тех, кто должен был вязать злоумышленников, не заладилось, однако темнота парка вдруг наполнилась криками: “Ни с места! Лови его! Стой, стреляю!”. Однако, выстрелов так и не последовало. Очевидно, загонщики побоялись в кромеиной тьме перестрелять друг друга.

В такой темноте не то, что ловить, увидеть бы кого! По аллеям и тропинкам парка забежали оперативники. Кеша Порохов, обиженный на несправедливости судьбы, особого азарта не проявил. Чего бегать попусту, если парк всё равно оцеплен по всему периметру. В темноте бегать среди деревьев – можно и глаз ненароком о ветку выколоть. Так и лежал бы он, укрытый от посторонних глаз зарослями юкки, если бы не увидел в просвет далёкого фонаря, как прямо на него вдруг понеслась, размахивая каким-то пакетом, фигура сутулого мужчины.

Лейтенант мигом вспомнил внешность приезжего объекта. Такой же высокий, сутулый сверх меры. Определённо – он! Вот это был ШАНС! Шанс, что его, наконец, заметит начальство, что перестанут его посылать на самые мелкие и гиблые дела, что доверят, может быть, собственную разработку. А для всего этого нужно было лишь схватить того, кто и без Кешиных трудов сам шёл, даже не шёл, а бежал, к нему в руки. Он мгновенно вскочил на ноги и с криком: “Стоять!”, бросился наперерез валютчику.

Но и тот оказался не лыком шит. Сделав отчаянный рывок в сторону, он, извернувшись как заяц, избежал цепких Кешиных рук и широкими прыжками понёсся прочь вверх по склону. Всё: благодарность начальства, продвижение по службе и, наверняка – собственная квартира, уносились от старшего лейтенанта КГБ Кеши Порохова с высокой скоростью вверх по склону горы, к шоссе. И совершенно неважно, что там, на шоссе, валютчика перехватят другие опера. Главное, что задержит его не Кеша.

Эти мысли вихрем пронесли в голове старлея, вызвав выброс в кровь такого количества адреналина, что старший лейтенант птицей понёсся за убегающим в гору валютчиком. Теперь, в такт широким прыжкам, в сознании билась только одна мысль: догнать! Догнать, во что бы то ни стало.

Расстояние между ними сокращалось столь стремительно, что пару раз Кеша уже торжествовал победу. Но каждый раз беглецу каким-то непостижимым образом удавалось уворачиваться. Однако, погоня не могла продолжаться бесконечно: рано или поздно она должна была закончиться триумфом оперативника.

Уже сообразив, что парк полон врагов и здесь его всё равно поймают, валютчик предпринял отчаянный шаг. Добежав до подпорной стены, отделявшей территорию парка от пролегающего выше шоссе, он попробовал взобраться вверх по практически вертикальной поверх-

ности. Почти семиметровой высоты, она, выложенная из рустованного камня, всё-таки оставляла ему какой-то шанс на спасение.

С разбега прыгнув на стену, преследуемый преодолел по инерции пару метров и теперь судорожно шарил по стене рукой в поисках опоры. Другая рука была занята полиэтиленовым пакетом, который валютчик выбрасывать явно не спешил. Вот, найдя за что зацепиться, он поднялся ещё на метр, затем ещё и ещё. Подбежав ближе, Кеша стал карабкаться следом. Однако, его желание продвинуться по службе было всё-таки не было таким отчаянным, как попытка валютчика избежать восьмидесят восьмой статьи со всеми ее последствиями. Поэтому и подъём вверх проходил у Кеши не так успешно. Поняв, что валютчика ему не поймать, он спрыгнул на землю, и грозно крикнул ему вслед:

– Замри, сучонок, или яйца тебе отстрелю!

Услышав окрик, валютчик сделал всего одно неверное, но оказавшееся для него роковым движение. И тотчас же нога, не найдя опоры, скользнула по камню. Нелепо взмахнув руками, гражданин Кравченко камнем рухнул вниз с шестиметровой высоты. Подбежав к телу, распростёртому на земле в неловкой позе, Кеша начал было переворачивать валютчика лицом вниз, чтобы взять его руки, но в какой-то момент понял, что тот совершенно не оказывает сопротивления. И вообще он какой-то неживой.

Чиркнув вытащенной из кармана зажигалкой, Кеша поднёс её огонёк к лицу задержанного, и чуть не вскрикнул: прямо на него почти в упор глядели совершенно стеклянные глаза мертвеца. А под головой валютчика, покоившейся на выпирающем из земли валуне, растекалась тёмная лужица.

Сомнений не было: бывший гражданин Кравченко Юрий Олегович, поселившийся в гостинице “Ялта” по брони Совмина, лежал сейчас перед ним на земле и был мёртв. Пульс ни в запястьи, ни на сонной артерии не прощупывался. Это была форменная катастрофа. Теперь всех собак спишут на него. Ещё раз чиркнув зажигалкой, Кеша осмотрел труп целиком.

В левой руке мертвеца, он заметил тот самый пакет, с которым так упорно не хотел расставаться убежавший. С трудом разжав его пальцы, Кеша потянул пакет к себе и свободной рукой залез внутрь. Деньги! Пачки денег, туго спелёнутые банковскими бандеролями, заполняли пакет почти целиком. Достав одну из них, он вновь чиркнул зажигалкой, и тихонько присвистнул: сторублёвки! Достал ещё одну. И в ней были бумажки того же достоинства. Кешу пробил холодный пот.

Самая большая сумма, которую прежде держал в руках старший лейтенант КГБ Иннокентий Порохов, составляла триста пятьдесят один рубль, сорок копеек. Да и то – отпускных. А здесь сразу огромная куча сторублёвых пачек! По меньшей мере – полмиллиона. А может и больше. Целое состояние! Было тут от чего ошалеть. Даже смерть преследуемого не привела его в такое волнение.

– А ведь за то, что он разбился, придётся отвечать, глядишь, и в звании понизят, – пронеслась в голове мысль. Но тотчас же её сменила другая: – А денег-то, денег сколько! С такими деньгами можно хоть и всю жизнь в лейтенантах проходить. А что?

Можно и машину, а можно даже и квартиру себе позволить кооперативную. Почему нет? Да только кто же мне позволит денежками этими порулить? Всеми – точно нет! А немножко если? Хотя, почему немножко? Воровать – так миллион! Ну, или сколько там будет, если я половину отмету? А куда прятать?

Рассовать такую прорву деньжищ по карманам было нереально. Кеша проворно сбросил с себя курточку и через голову стянул майку. Завязал низ узлом и в получившийся мешок начал судорожно бросать пачки денег. Следовало поторопиться, чтобы не быть застигнутым на месте преступления. Бросив в майку два десятка пачек, он подумал, и добавил ещё пяток. Затем завязал горловину майки так, что получился вполне компактный, увесистый узелок,

набросил на себя курточку, вложил ручки ставшего гораздо легче пакета в руку мертвеца и побежал прочь.

В голове так некстати всё время билась фраза из чьего-то школьного сочинения: “Дубровский сношался с Машенькой через дупло”. Ах, если бы отыскать где-нибудь поблизости хотя бы самое захудалое дупло! Но как его найдёшь в кромешной тьме? Именно из-за неё он и не заметил канализационного люка, которые, как всем известно, наши коммунальщики всё время норовят устроить в самых неподходящих местах. Но, споткнувшись и ещё только падая на землю с вытянутыми вперёд руками, он уже знал, где спрячет свой узелок с деньгами...

Понедельник

Несмотря на яркое, сентябрьское солнце, заливавшее своим светом кабинет Председателя, там было довольно прохладно. Москва уже постепенно отходила от натиска жары, которая так изматывает жителей столицы каждое лето.

Хозяин кабинета устроился в неглубоком кресле сбоку от огромного, Т-образного стола, там, где на невысоком журнальном столике теснились несколько телефонов и стояла бутылка с минералкой. Понедельник начался с плохих новостей, поэтому и настроение у него было соответствующее.

Долив в стакан очередную порцию и поморщившись (замучила изжога), он по интеркому связался с секретаршей:

– Соня, Барина ко мне.

– Сию минуту, Иннокентий Владиславович.

– Вот именно: минуту, а не десять, как в прошлый раз, – ворчливо пробурчал хозяин кабинета и отключил связь.

Председатель Правления банка “Северный”, генерал КГБ в отставке Иннокентий Владиславович Порохов, очень не любил, когда подчинённые ему сотрудники банка задерживались после его вызова. Сказывались годы работы в организации, где беспрекословное подчинение и готовность тотчас явиться по вызову начальства, были непременным условием службы.

Однако здесь, в банке, всё обстояло несколько иначе: всё ж таки гражданка, не армия и уж тем более не Комитет. Но привычка осталась, подчинённые нередко получали нагоняй от Председателя, правда, не особенно обижались. Понимали, что комитетчик, он и до самой смерти останется комитетчиком, пусть даже в костюме от Гуччи и с престижным Лонжином на руке.

Единственным, кто получал поблажки от Председателя, был его референт, Костя Барин. Естественно, имел он и отчество, но Порохов, общаясь с ним наедине, звал Костю только по имени, а в присутствии посторонних обходился фамилией.

Такая фамильярность объяснялась просто: Барин, кроме официальных обязанностей, выполнял иногда и очень деликатные поручения председателя, причём до сих пор делал это достаточно умело. Что позволяло ему не торопиться на зов шефа так, как другим сотрудникам банка. Но в этот раз Костя появился в кабинете достаточно быстро.

– Вызывали, Иннокентий Владиславович? – не то спросил, не то констатировал он, прикрывая за собой дверь.

– Проходи, Костя, присаживайся. Воды выпьешь?

Спрашивая, он одновременно свободной рукой выдвинул ближний к нему ящик стола и, щёлкнув тумблером, включил генератор “белого” шума, как делал всегда во время конфиденциальных встреч. Даже самые новые и хитроумные подслушивающие устройства не могли помочь возможным конкурентам расслышать хоть слово, произнесённое во время работы такого устройства.

– Спасибо, Иннокентий Владиславович, налейте, не откажусь.

Хозяин кабинета плеснул в стакан минералки и протянул референту. Затем, выждав некоторую паузу, изрёк:

– Писец может приключиться с нашей задумкой, Константин. Всё идёт к тому, что и кредит из Таиланда и остальные наши планы прикажут долго жить. Похоже, не ходить тебе в белых брюках по Рио де Жанейро.

– С чего это, Иннокентий Владиславович? – забеспокоился Костя.

– Заартачились тайские кредиторы. Как только наши долбо... дефолт объявили, тайцы моментально отказались от дальнейших переговоров по кредиту. Боюсь, сорвётся наше предприятие. Эх, не успели мы до августа, а как хорошо было бы и кредит этот на дефолт списать!

– А поправить дело никак не получается?

Иннокентий Владиславович поднялся с кресла и прошёл к окну. За тонированным, бронированным стеклом по улице неслышно проносились автомобили. Какой-то бомж с тележкой, нагруженной пустыми бутылками, тщетно пытался найти просвет среди идущих на большой скорости машин. Интересно, повезёт ему, или нет?

– Сейчас мои коллеги, кхм... мои бывшие коллеги, – поправился Председатель, – разрабатывают одного человечка из окружения тайского премьера. Ищут пути к нему. Некий мистер Гош. Говорят, он может оказывать давление на инвесторов и решать такие вопросы через свои каналы. Думаю, это их, тайская мафия, отмывающая деньги на инвестициях, но об этом там помалкивают. Говорят ещё, он на драгоценные камни падок. Если найдут к нему путь, можно будет рассчитывать на успех. А если сможем с ним договориться, считай, кредит у нас в кармане.

– Вот именно, в кармане, а не в банке, – подумал про себя Баринов, однако вслух сказал нечто другое: – А если он падок на драгоценности, то, что мы ему можем предложить?

Тем временем бомж все-таки решился и, толкая перед собой тележку, засеменил, прихрамывая, через проезжую часть к противоположному тротуару. Водитель огромного, чёрного джипа, неожиданно вынырнувшего из-за троллейбуса, уже не мог ничего предпринять, чтобы избежать трагедии: бомж катил свою тележку прямо под колёса автомобиля.

Увидев несущуюся на него машину, человек с тележкой отпрянул назад, но было поздно: широкие колёса мощного "Chevrolet-Tahoe" смяли тележку, как пустую пивную банку. Осколки бутылок и жалкие пожитки бомжа полетели во все стороны, а джип, не сбавляя скорости, понёсся дальше.

Водитель троллейбуса попытался, было, затормозить, но моментально остановить такую машину, нечего было и думать. Зацепив самым краем передка незадачливого пешехода, он отбросил его прямо на раздавленную джипом тележку. Последнее, что успел заметить Председатель, отворачиваясь от окна, был распахнутый в немом крике рот бомжа.

– Ты помнишь, мы под совсем слабенькие гарантии давали кредит фирме "Автотрейд"? – повернулся к собеседнику Порохов. – Хотя нет, ты в это время в отъезде был. Под такие гарантии деньги давать – все равно, что самому себе могилу рыть. Но уж больно высокие люди просили за них. Пришлось дать...

Но чтобы деньги не пропали, пришлось все-таки подстраховаться. Так мы получили от "Автотрейда" изумруд. Камень, что и говорить, раритетный. Шестьдесят четыре карата, чистейшей воды, ценности огромной. Однако, проводить по документам подобный залог мы, как сам понимаешь, не имели права. Поэтому разместили его в хранилище безо всяких официальных документов. И не прогадали!

Поговаривают, что их салон вместе с автомобилями спалили конкуренты. Впрочем, кто спалил – неважно. Да нам это и неинтересно. Важно, что камень у нас остался. А акционеры о нем понятия не имели. И, что ещё более важно, когда вся эта катавасия с дефолтом связанная

началась, когда всё с ног на голову перевернулось, мы под шумок изумрудик и замылили. Вот камешек тот и отдадим в подарок.

– А не дороговат ли презент? – Костю начинала мучить жаба при одном упоминании о дорогих подарках.

– А триста миллионов долларов кредита взамен? Тем более, что отдавать его не нам? Короче, если найдут к нему ходы, поедешь на переговоры с мистером Гошем.

– Уже с камнем?

– Камень до окончательного согласия принять его в качестве предварительного подарка пусть в моем сейфе полежит. Есть он не просит, только целее будет. А вот в интернет мы выгрузим его фото и описание со всеми характеристиками. При встрече, во время переговоров, просто зайдёшь на нужный сайт и покажешь клиенту. На всякий случай готовься к отъезду. Мой человек может позвонить в любой момент. Свободен.

Когда Баринов вышел, Иннокентий Владиславович вновь повернулся к окну и взглянул на дорогу. Вокруг лежащего навзничь тела уже начала собираться толпа любопытных зевак.

Водитель троллейбуса, немолодой уже мужчина с бледным лицом, сидел на ступеньках передней двери и нервно курил. Естественно, его признают виновным, если только у него не появится свидетель, видевший, как всё происходило.

Но самому идти в свидетели Председателю не хотелось. В конце концов, у него и своих забот по горло. Ему ведь тоже никто не помогает. Он вернулся в кресло, прикрыл от света глаза и задумался. Да, подумать было о чём.

Идея с получением кредита, который не нужно будет возвращать, родилась ещё весной. Натолкнул Порохова на эту мысль старый – ещё по службе в родном ведомстве – знакомый, с которым Иннокентий Владиславович встретился на одном из шикарных банкетов.

– Ты только посмотри на него, – говорил он, указывая рукой на лысого толстяка и расплёскивая от возбуждения шампанское прямо на туфли Порохова: – Хозяин! Да кем он был ещё год назад? Так, промокашка! За год поднялся! Сделал фирму – однодневку, написал бизнес-план и получил кредит под гарантии нашего с тобой родного правительства. Не бесплатно, понятное дело, ему те гарантии дали. Фирмёшка сгорела, кредит пропал, а он на самом гребне успеха теперь! А за кредит российское правительство наши же с тобой деньги возвращает. Эх, умеют жить люди!

Разговор тот запал глубоко в душу Иннокентия Владиславовича. А что, почему бы и ему хороший куш не сорвать? Верных людей и умных голов в его банке – пруд пруди. Фирму на подставное лицо создать – тоже не проблема. И людишки, которые на ключевых постах в правительстве сидят, тоже имеются. Так и родилась в уме Председателя идея с получением кредита, который можно будет разворовать. И завертелось...

Провели предварительные переговоры с крупной инвестиционной компанией из Таиланда. Инвесторы соглашались предоставить необходимую сумму, но только под гарантии её возврата от зарубежного первоклассного банка, либо от российского правительства.

Зарубежный банк, как гарант, отпадал сразу. Эти, изучив бизнес-план, сразу почуют подвох и, чего доброго, ославят на весь мир. Значит, оставалось родное правительство. Со своими куда как проще договориться. А уж нужного человека, чтоб подсобил, он обязательно найдёт!

– ...Так, значит, к пяти ждать? – Иннокентий Владиславович большим клетчатым платком утёр пот, струившийся по лицу. Хоть и готовился к разговору, а всё ж волновался: а ну, как соскочит рыбка с крючка?

– Да, но смотри, лишних глаз нам не нужно. Хватит с наших телезрителей голого Ковалева, – хохотнул приятный баритон на том конце провода.

– Упаси Бог, Иван Петрович, кроме нас – никого, – заверил Председатель.

– Ладно, жди, к пяти буду, – согласился невидимый собеседник, и из телефонной трубки послышались короткие гудки.

Уговорить Ивана Петровича Соковнина на сауну оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал. После скандального показа по центральным каналам обнажённого генерального прокурора (или лица, очень похожего на него), затащить нужного правительственного чиновника в баню для частных переговоров стало почти невозможно.

Однако, в своё время Порохов оказал Соковнину серьёзную услугу: использовав своё служебное положение, отмазал от военной службы сына Ивана Петровича, в то время – обыкновенного заведомо финансового министерства. Десять лет прошло с тех пор. Иван Петрович поднялся по служебной лестнице достаточно высоко, стал одним из доверенных людей Системы, и теперь сам мог оказать ответную услугу Председателю.

Иннокентий Владиславович понимал, что без поддержки людей из Системы, его план был попросту обречён на провал уже на начальной стадии. А уж как хотелось, пусть и на старости лет (это, правда, когда ещё...) оказаться владельцем виллы где-нибудь на Ривьере, ездить на заднем сиденье "Роллс Ройса" или "Бентли".

Значит, чтобы мечта стала явью, необходимо свой план осуществить, чего бы это ему ни стоило. И не тушеваться перед цифрами. Чем больше будет сумма кредита, тем лучше. Только так и нужно красть! Как говорится – воровать, так миллион, любить – так королеву.

Издавна повелось в нашей стране, что человек, укравший мешок картошки, садится в тюрьму на долгие годы. А если украсть несколько миллионов, а лучше – несколько сот миллионов, сразу становишься уважаемым человеком. Про тебя уже пишут в газетах, показывают по телевидению. А ты делаешь гневное лицо и твердишь в камеру: – политический заказ! Недоброжелатели твои завистливо вздыхают: – Смотри, так ловко украл и не попался!

А чтобы не попасться, следует помнить о законе сообщающихся сосудов. Том, который по физике проходили, но про который многие забывать начали. А проще – не жадничать и делиться с нужными людьми. Тогда и почёт будет тебе и уважение. И те, кто думает об этом ещё ДО того, как украсть, спокойно смотрят с высоты своего собственного Олимпа на всю эту лающую и воющую журналистскую свору: мол, нипочём вам меня не укусят, кишка тонка!

Соковнин казался Председателю как раз тем самым "нужным человечком", который мог, воспользовавшись могучим аппаратом своего министерства, закрыть слабые места в предстоящей афере и запутать любых, даже самых прожжённых журналистов.

Значит, и подход к нему должен был быть соответствующим. Нельзя же вот так, сразу в лоб, предлагать: – давай, мол, украдём. Нет, тут должна быть своя тактика.

Поэтому, закончив разговор с Соковниным, Иннокентий Владиславович нажал на кнопку интеркома, и приказал секретарше:

– Соня, разыщи мне Барина, срочно. – и, когда тот появился в кабинете, коротко приказал:

– Значит так: сегодня поработаешь у меня заготовителем. – И, заметив на лице подчинённого лёгкое недоумение, пояснил: – Поройся в своей записной книжке и вызови мне пару самых приличных своих проишмандовок.

– Так они у меня все приличные, – попытался возразить Костя.

– Вот и выбери двух самых-самых, чтобы с понятием... Очень солидный человек в гости едет. Не могу я перед ним в грязь лицом ударить. Потом, езжай на рынок и купи мяса, фруктов, зелени, ну, короче всё, что нужно для хорошего закусона. Про икру не забудь. Лучшие всего бери на Дорогомиловском рынке.

– А выпивку?.. – начал было Костя.

– С выпивкой так: когда он был ещё заготовкой, очень уважал нашу, родимую. А уж сейчас и не знаю, что употребляет. Ты вот что, для девок возьми чего-то лёгкого, сухонького: не нужно нам пьяных баб. Ну, а для нас... Иннокентий Владиславович задумался на мгновение, потом, видно решив, перечислил: джина возьми и тоника побольше. Обязательно лимон. Бутылочку виски, нет, лучше две: одну шотландского, другую – ирландского, неизвестно, какой сорт он любит больше. Теперь – коньяк. Тот же бутылочку. Только французский не бери, могут и фужер всунуть, хоть и в супермаркете. Лучше "Грени" всё равно не найдёшь. Да не жадничай с деньгами: всё должно быть самое свежее, по высшему классу.

– Всё сделаю, Иннокентий Владиславович. К которому часу готовить?

– К четырём и девки и всё остальное должно быть у меня на даче, в Горках. Продукты и выпивку сгрузишь в холодильник. Включи сауну и уезжай.

– А девушки?

– А что, девушки? Раздень, поставь им вино, фрукты, и пусть себе в бассейне плещаются, русалки, – Председатель хмыкнул. – Ну, иди, работай.

– Только смотри, проинструктируй их там получше, ну, сам знаешь о чём, не мне тебя учить, – добавил он, когда Барин уже направлялся к двери.

Когда дверь за ним закрылась, Председатель потянулся к телефону: нужно было предупредить жену, чтобы случайно не нагрянула на дачу не ко времени. Жена его, Надежда, женщина, как говорится – знойная и ещё в самом соку, определённо знала, чем занимается её муж с соотрапезниками на даче. Однако, к таким его проделкам относилась, как к невинным. Ну и что, не сойдёт ведь насовсем мужнино хозяйство? Зато к ней потом добрее будет.

Как и всякий мужчина, Иннокентий Владиславович, испытывал неосознанное чувство вины перед женой после каждой "холостяцкой" гулянки. Поэтому, зачастую, после таких вот выездов с друзьями на дачу, он дарил супруге маленькие подарки. Маленькие – размерами, но уж никак не ценой.

Так получилось и на этот раз. Едва Председатель сообщил супруге о предполагаемых планах на вечер, она, как ни в чём не бывало, согласилась. Только просила быть поосторожнее, и дачу не спалить. Но это было сказано, скорее, для красного словца.

– А может и у неё кто-то есть, такой же вот, как я, холостяк, – подумал Иннокентий Владиславович безо всякой ревности. – А почему бы и нет, да, впрочем, мне какая разница? Главное – не ревнует.

Так уж получилось, что к посту охраны коттеджного посёлка обе машины, "мерседес" Председателя и "ауди" Соковнина, подъехали одновременно. Охранник поднял шлагбаум и почтительно вытянулся во фронт. Почти неслышно, лишь шурша резиной по гравийной крошке, устилавшей подъезд к дачам, машины неспешно покатались к коттеджу Порохова.

Собственно, коттеджем это двухэтажное строение называть было бы неверно. Скорее, дом походил на особняк зажиточного ранчера, где-нибудь в Техасе: от левого до правого крыла дома было примерно тридцать метров.

Спальные помещения выходили окнами на заднюю сторону дома, зато почти вся передняя стена была выстроена, казалось, из сплошного тонированного стекла.

Однако, разглядеть интерьер жилища было практически невозможно: портьеры и жалюзи, а также тёмное, почти непрозрачное стекло, не давали постороннему наблюдателю никакой возможности подсмотреть, что же творится внутри.

Единственными окнами, незащищёнными от взоров любопытствующих, были высокие, во всю высоту дома, окна из обычного стекла в правом крыле здания. Но и эти окна практически всё время были запотевшими из-за пара, поднимавшегося от тёплой воды закрытого бассейна.

Остановившись у особняка, водители выпустили своих пассажиров, и отъехали на специально оборудованную стоянку чуть поодаль. Теперь, когда будет нужно, их вызовут. А знать, что творится за стенами, скрывающими их высокородных хозяев, водителям вовсе ни к чему: крепче спать и дольше жить будут.

Приподняв голову и оглядывая здание, Соковнин присвистнул:

– Ого-го! Не самые последние хоромы ты себе отгрохал.

– Ладно тебе, Петрович, приbedняться: у самого ведь не хуже дворец стоит. Да что мы снаружи беседуем: пойдём в дом.

На правах хозяина первым отворил дверь, но гостя пропустил вперёд.

– У тебя тут что, есть кто-то? – с недовольством в голосе спросил Петрович. – Ведь договаривались же: никого лишнего.

– Никого лишнего и нет. Так, две девушки для разрядки. А то нас с тобой, чего прочего, за педерастов примут, – хохотнул Иннокентий Владиславович.

Как всякий служака, хоть и бывший, он в своей речи избегал каких-либо недомолвок или иносказаний. Всё, что хотел сказать – говорил, не заботясь особо, какое впечатление произведёт на собеседника сказанное.

Ну, а в случае с Иваном Петровичем Соковниным и вовсе не стоило скромничать. Подать главную идею следовало так, чтобы гость был твёрдо уверен: Иннокентий Владиславович всегда говорит именно то, что думает. Чтобы, упаси Бог, даже не помыслил, что Порохов может держать камень за пазухой.

В таких делах, что задумал Председатель, никаких недомолвок быть не должно, иначе недолго и без головы остаться. Тут – либо молчи, как чурка деревянная, как истукан каменный, либо говори всё, что есть. Система (а в том, что его гость принадлежал именно к ней, Порохов не сомневался) не прощает не только лжи, но и самых мелких неточностей в обсуждении подобных дел.

Ненасытные журналисты, как вороны на пададь, слетаются на любую лакомую информацию. И совсем неважно, что их никто не слушает. Прокуратура и другие правоохранительные органы в последнее время заняты совсем другим: каждый, мало-мальски значимый прокурорский или чиновник из силовиков, используют любую возможность для пополнения собственного кармана. На расследование собственно финансовых преступлений у них нет ни времени, ни особенного желания. Ибо известно: ворон ворону глаз не выклюет.

Однако, стоит даже всего одному из пишущей братии пронюхать о готовящейся афере, как моментально та же система откажется от Порохова, оставив его один на один с суровой действительностью. И мало того, что помощи от вчерашних подельников не дождешься, так ещё и утопить помогут.

Поэтому и решил хозяин говорить с гостем напрямую, потому и подготавливал его к серьёзной беседе своей грубоватой речью.

– А кадры того, проверенные? – неуверенно спросил Соковнин про девиц. Но глазки его уже оживлялись.

– Мой помощник лично проверял и на здоровье и на надёжность, – снова хохотнул хозяин. – И, видя, как от последних слов гость невольно поморщился, добавил: – Да что это мы всё о бабах, да о бабах. Пойдём, дом тебе покажу.

Посмотреть в доме Порохова действительно было на что. Огромная гостиная, начинавшаяся сразу же от дверей, поражала глаз великолепием отделки. Сразу было заметно, что над дизайном трудился если и не гений, то уж точно серьёзный и дорогой профи.

Всё в этом помещении радовало глаз: и удачно подобранные тона, и глубокая мягкая мебель с шикарной обивкой, и приятное освещение, и дагестанские ковры ручной работы на полу. Огромные, почти во всю высоту помещения окна, выходящие на берёзовую рощицу, создавали полное впечатление присутствия на природе.

Гигантский, в полстены, аквариум с экзотическими тропическими рыбами стоял, освещаемый потайными фонарями. Неслышно работала климатическая установка, нагнетая в комнату запах южного моря.

Прямо посреди гостиной, уходя трубой в потолок, высился камин, выложенный из грубо отёсанного, на первый взгляд, серого камня. Но только на первый взгляд. Потому что опытный глаз мог мгновенно распознать в нарочитой грубоватости отделки точный расчёт большого художника. Каминные принадлежности с затейливо выкованными ручками покоились в специальном держателе, укреплённом на боковой стенке камина. Пара глубоких кресел с подставками для ног поодаль, так и манила присесть, чтобы полюбоваться на огонь.

Чуть правее гостиная плавно переходила в столовую и кухню, отделённую от основного помещения тремя ступеньками. Своей чистотой, почти стерильностью, матовыми дверцами духовых шкафов и блеском другой кухонной утвари, эта часть дома больше напоминала современную операционную, нежели помещение для приготовления пищи телесной.

По всему было видно, что деньги сюда были вложены немалые, и хозяин с полным основанием гордился плодами своего труда. Между делом, заглянул Иннокентий Владиславович и в холодильник, проверяя, не забыл ли чего Константин. Однако, все его опасения были напрасны: Баринов всегда буквально выполнял распоряжения шефа.

– Теперь прошу сюда, – Порохов повёл рукой, как бы увлекая гостя дальше, к правому крылу здания.

Подойдя к двери, ведущей в бассейн, он резко отворил её и вошёл первым. Две нимфы, лет восемнадцати – двадцати плескались в прозрачной воде совершенно раздетые. Завидев вошедших мужчин, обе, как и были проинструктированы Костей, коротко взвизгнули и попытались прикрыть руками причинные места.

Хозяин хмыкнул, словно не ожидал увидеть их обнажёнными, и повернулся к Иван Петровичу.

– Кажется, не совсем ко времени зашли. Давай-ка, Иван Петрович, не будем девишек смущать, идём-ка лучше пропустим по маленькой, пока они себя в порядок приведут, – проговорил он, с удовлетворением отмечая, как огонёк интереса уже зажёгся в глазах гостя.

– Вы уж извините за неожиданное вторжение, – обратился он уже к девишкам. – Мы удаляемся, а вы, как освободитесь, составьте компанию старикам.

Всё пока шло как по маслу. Девишек Костя и впрямь привёз самых лучших. Обе фигуристые, с развитыми бёдрами и грудью. И смущение те сыграли совсем естественно. Определённо: Костя заслуживал особой благодарности за свой труд.

Да и Петровичу они, кажется, глянулись, легче будет потом разговор с ним вести. Увлекая за собой Соковнина, Иннокентий Владиславович просто физически ощутил явное нежелание того покидать бассейн.

– Как твои вкусы, Иван Петрович, не изменились в смысле выпивки? Чем бы тебя угостить? – обернулся он к гостю.

– Что тебе ответить? Конечно, для куражу, давай, по старой привычке, хлопнем водочки, пока девишки себя в порядок приводят. Но, я так полагаю, ты меня сюда не для выпивки совместной позвал. В наше время людей моего ранга (Соковнин специально выделил последнее слово), к великому сожалению, только для развлечений не приглашают. Поэтому для затравки – водочки, в сауне – пиво, а уж для разговора, как говорится – на десерт, скотч со льдом. Надеюсь, найдётся?

– А как же не найтись, всё найдётся в этом доме для дорогого гостя, – ответил Иннокентий Владиславович тайне довольный тем, что гость всё понимал правильно и сразу ставил все акценты.

До прихода девишек из бассейна устроились у камина в гостиной и успели выпить по паре рюмок, заедая водку зеленью и соленьями, завезёнными хозяйственным Костей. Когда же

гости явились пред светлы очи хозяина, и Иннокентий Владиславович и Иван Петрович были уже вполне веселы и раскованы.

– Иван Петрович, дорогой, – начал Порохов, – позволь представить тебе наших очаровательных фей. Вот это...

– Тамара, – одна из них, говоря это, коснулась рукой коротко стриженной чёлки.

– А я Марина. – добавила вторая, и, подойдя к столику, всплеснула руками: – Смотри подружка, вот так хозяева! Сами уже закусывают, а чтобы нас позвать, так нет.

– Уже зовём, – засуетился Иван Петрович, подвигаясь в широком кресле, как бы освобождая место и, не сводя глаз с Марины.

Девушка приняла его игру и присела на самый краешек. Она была необычайно хороша собой. Породистое лицо, гордая осанка, густая копна ярко рыжих волос. Махровый халатик, прихваченный девушкой в бассейне, еле прикрывал её крепкие, стройные ноги.

– А чем угощать собираетесь? Фи, ну ужели кроме водки ничего нет?

– Не обижайте старика, девочки, – успокоил Порохов, вставая, – всё есть в этом доме. Вот что, Тамара, – он поднялся с кресла: – ты не поможешь мне накрыть на стол? – и, не дожидаясь ответа, направился к кухне.

Иннокентий Владиславович уже понял, что Костя привёз самых настоящих профессионалов. Уж где он их берёт, одному Богу известно. Одно то, как девушки легко сумели перейти порог первичной неловкости, которая почти всегда возникает в момент знакомства, показывало, что и со всем остальным проблем у мужчин не возникнет.

– Нет, определённо, нужно Бариннову премию выписать, – подумалось Порохову.

Кроме всех внешних достоинств, Тамара обладала ещё и несомненными способностями отличной хозяйки. В мгновение ока она вытащила из холодильника припасы, окинула их оценивающим взглядом и, видно решив что-то, приступила:

Острым ножиком нарезала дольками и сбрасывала в салатник сочащиеся соком мясистые азербайджанские помидоры, затем сноровисто нашинковала в ту же миску пупырчатых подмосковных огурчиков, по пучку грузинской кинзы и рыхани, головку красного, ялтинского лука. Немного подумав, накрошила мелко-мелко пару зубчиков чеснока, посыпала густо крупно намотым чёрным перцем и солью.

Придирчиво окинув своё произведение взглядом опытной хозяйки, потянулась к бутылке с маслом. Приоткрыла пробку, понюхала: – Кубанское, жареное? – и увидев утвердительный кивок хозяина, одобрила получившийся салат.

– Прошу отведать: салат “Дружба Народов”.

Иннокентий Владиславович с восхищением следил за ловкими действиями своей помощницы и даже на время забыл, что сам взялся нарезать копчёный сулгуни и бастурму.

Наломав крупными кусками свежайший грузинский лаваш, Тамара уже относила закуски к столику у камина.

Порохов, тем временем, открыл бутылку белого “Мерло”: именно это вино выбрала Тамара для себя и Марины. Затем, прихватив в свободную руку ещё и вазу с фруктами, подошёл к гостям.

Марина сидела рядом с Иваном Петровичем и, казалось, была полностью поглощена беседой. Однако, завидев приближающегося Порохова, встала и помогла расчистить место для вина и фруктов.

– За приятное знакомство. За то, чтобы оно было приятным для всех присутствующих, – произнёс Председатель, опрокидывая в себя очередную рюмку водки.

Девушки с одобрением посмотрели на мужчин и тоже выпили. Ледяная водочка маслянисто булькала, выливаясь, как кисель, из горлышка в рюмки. Пряный запах зелени, вид ледяной влаги, постепенно заполняющей рюмки до краёв, вызвал у сидевших за столом совершенно определённую потребность выпить ещё раз и немедленно. И именно водочки. Даже девушки,

до этого воротившие нос от пролетарского, по их мнению напитка, тоже изъявили желание выпить по одной.

Постепенно, мужчины, не без помощи девиц, прикончили бутылку водки. Но алкоголь пока не действовал на пирующих. Сказывалось возбуждение от предвкушения удовольствия у Ивана Петровича и важности предстоящей беседы у Порохова. Кроме того, ну, что могло случиться с ними от бутылки водки, под свежую зелень, копчёный сулугуни и бастурму? Такое количество выпитого только распалило мужчин и добавило куражу.

– А что, девочки, может быть в сауну перейдём? – предложил изрядно повеселевший хозяин. А то мы после службы с коллегой попариться собрались, а тут такой сюрприз: вы прикатили. – Порохов как бы давал понять Петровичу, что с девушками знаком давно. Заодно, упомянув про коллегу, он продолжал готовить гостя к предстоящему разговору.

Девушки моментально "въехали в тему" и сразу потащили мужчин:

– Иннокентий Владиславович, душка, как хорошо, что про сауну вспомнил. Конечно, пойдём, там даже лучше.

Довольный таким поворотом дела Иван Петрович решительно поднялся и обращаясь к хозяину спросил:

– Ты пиво где держишь, – всем своим видом показывая, что готов в парную хоть сейчас.

– Пиво девочки из холодильника с собой захватят, а мы, давай-ка, вперёд пройдем, они всё равно париться не больно любят. Так посидят минутки три и не больше. Закалка у них не та, что у нас с тобой.

Эти слова он говорил больше для девушек, давая понять, как тем следует себя вести в парной. Путь в сауну проходил мимо бассейна, вода в котором уже успокоилась после купания нимф, и только слабый парок курился над поверхностью.

– Заодно и поплаваем, а, Иннокентий? – задорно спросил Соковнин. – Плавки для меня найдёшь?

– Зачем тебе плавки, Петрович? – удивился Иннокентий Владиславович. – Тебе и без них удобно будет.

– Точно удобно?

– Удобней некуда: это же сауна, – вслух сказал Порохов, а про себя подумал: – Я бы с такой жопой, как у тебя, вообще постеснялся при людях показываться. Даже в плавках.

Действительно, Ивана Петровича трудно было назвать стройным. Даже просто упитанным назвать его язык никак не поворачивался. Заплывшая многолетними наслоениями жира фигура выдавала в нём большого любителя застолий. Малоподвижный, кабинетный образ жизни также не способствовал поддержанию формы.

В предбаннике разделись. Порохов мельком посмотрел на себя в зеркало, с удовлетворением отметив, что, в отличие от Соковнина, он в свои пятьдесят с хвостиком был ещё ого-го, какой боец. Пожалуй, было бы времени побольше, мог бы и сам закадрить не самую последнюю девчонку. Но дела банка требовали отдаваться им полностью и без остатка. Вот и оставались на его долю лишь редкие подобные праздники жизни.

Парилка была просто раскалена. Только специальные полки из чудесного африканского дерева "абаша" спасали филейные части от неминуемого ожога. Натянув на головы фетровые шапочки, мужчины сидели на средних полках, и тяжело дышали, глядя в пол.

Минуты через две пришло облегчение. Лёгкие приновились к высокой температуре и теперь каждый вдох не вызывал приступа кашля.

– Дом у тебя – мировой, загляденье, а парилка просто уникальная. Жаль, раньше меня не приглашал. – По всему чувствовалось, Иван Петровичу затея с баней понравилась.

– Иван Петрович, дорогой, я и сам-то сюда не очень частый ходок: всё дела, дела.

– Мужчины, можно к вам погреться, – игриво спросила Марина, приоткрывая дверь парилки.

– Заходите, только быстрее, чтоб жар не вышел, – мгновенно сориентировался Порохов.

Девушки, завёрнутые в простыни, словно в тоги, юркнули внутрь и присели на нижние полки.

Иван Петрович сидел, тяжело посапывая и медленно вдыхая раскалённый воздух. На носу его уже висела, но никак не могла оторваться и упасть, прозрачная капля. Вид повисшей капли был почему-то неприятен Порохову, но он решил не обращать на это внимания.

Не первый раз Иннокентий Владиславович сиживал в сауне с малознакомыми девушками, поэтому к нагому собственному телу относился спокойно. Не стеснялся. Иван Петровичу и стесняться было незачем: огромный жирный набрюшник опускался вниз, прикрывая всё его драгоценное хозяйство.

– Вы бы сняли простыни, девчонки, так парок лучше продерёт, – посоветовал Порохов, пересаживаясь на верхнюю полку.

– А и правда, Марина, пусть хоть что-нибудь продерёт, – быстро отреагировала Тамара, озорно поглядывая на Порохова и сдёргивая с себя простыню.

Марина тотчас последовала её примеру, а Иван Петрович задыхался с удвоенной энергией. Да и было отчего: гладкая кожа, впалые животы, длинные ноги. Не то, что у такой знакомой со всех сторон и порядком поднадоевшей уже жены. Было отчего забиться сердцу! А уж груди!

У Тамары они были, словно у козы, с чуть длинноватыми, вздёрнутыми кверху сосочками, а у Марины более полные, с широкими розоватыми кругами вокруг плоских сосков.

Прекрасные тела девушек почти моментально покрылись бисеринками пота.

– Ой, как вы, мужчины, такой жар выдерживаете, не понимаю, – тяжело дыша, заметила Тамара.

– Какой уж там, внизу жар? Ты сюда поднимайся, вот тут самое оно! – пригласил её наверх Иннокентий Владиславович.

Девушки быстро сориентировались и пересели: Марина к Иван Петровичу, а Тамара – к хозяину, повыше. Но не прошло и минуты, как они запросили пощады: жар в парилке действительно был жестоким. Сказав, что ждут мужчин в бассейне, девушки пробкой выскочили наружу.

– Давай и мы пойдём, остынем? – степенно, поднявшись с полки, спросил у него Иван Петрович.

– На первый пот достаточно, – кивнув, согласился Порохов и тоже вышел в предбанник.

В небольшом холодильнике кроме пива обнаружили запотевшую бутылку водки: видно, стояла ещё с прошлых посиделок. Для поднятия боевого духа приняли по соточке, залили пивком и, совсем по-молодецки, голые, с криками: "банзай" выскочили в бассейн.

В воде Иван Петрович почувствовал себя гораздо уверенней. Здесь уже не было видно диких размеров его живота, покатым плеч и толстой задницы. Как огромный морж, он фыркал, выпуская изо рта фонтанчики воды, подныривал под Марину, и что-то с нею делал, отчего девушка взвизгивала и громко смеялась, хлопая ладошками по воде.

Порохов тоже не терял времени зря: уже достаточно возбуждись и приобняв Тамару, он вовсю ласкал её тело, не оставляя вниманием ни единого сантиметра его поверхности. Она уже начинала постанывать от вожделения. Занятые собой, они даже не заметили, как Марина, и Иван Петрович, покинули бассейн и вновь скрылись в предбаннике.

Возбуждение Иннокентия Владиславовича передалось и Тамаре. Она уже не просто стояла под ласками его рук. Сладострастная дрожь то и дело волнами пробегала по её телу. Не в силах более сдерживаться, она повернулась к Порохову, прошептала только: – Давай, миленький, ну, что же ты медлишь? Побалуй мою маленькую киску! – и впиалась губами в губы Иннокентия Владиславовича.

Обхватив её упругий, но достаточно широкий задок, Порохов приподнял девушку повыше и, разведя её ноги, аккуратно и медленно стал насаживать на давно уже готовый к бою фаллос. Киска, как назвала её Тамара, действительно оказалась маленькой. Но очень эластичной и прекрасно смазанной.

В нетерпении Тамара попробовала быстрее податься вперёд, но Порохов ей этого не позволил. Всё так же медленно он продвигал своё копьё всё дальше и дальше, пока не достиг дна. Девушка, приняв его так глубоко, только коротко вскрикнула, но тотчас попробовала прижаться к нему ещё сильнее.

Однако, задумываясь Иннокентий Владиславович по-другому. Так же медленно, как вводил, он начал и обратное движение. Тамара ещё раз вскрикнула, но, видимо, уже из боязни потерять столь драгоценный для неё инструмент.

Почти вытащив член наружу, Порохов вновь перешёл к поступательному движению вперёд. Так, медленно, но, всё убыстрая и убыстрая темп, начал он вести свою партнёршу к Олимпу экстаза. Сначала девушка только коротко вскрикивала в крайних точках его движений. Но по мере нарастания темпа её вскрики слились в один протяжный – даже не крик, нет, а в какой-то утробный вой.

Да, она действительно была хороша во всём! И снаружи она была хороша, как богиня, но и внутри он не находил в ней никакого изъяна. Это был как раз его размер. Настолько гармонично слились они в едином желании, что Порохов и помыслить не мог теперь кончить в одиночку. Хотя такое у него тоже нередко случалось, когда дело имел с проститутками.

Уже не в силах совладать с собой, Иннокентий Владиславович довёл темп движений до максимального. Тамара уже просто была в голос. Каким-то внутренним чутьём Иннокентий Владиславович понял, что вот, сейчас у неё начнётся оргазм. И, уже не сдерживая себя ни в чём, он сам задёргался в экстазе, почувствовав извержение семени.

Просто звериный рык, отражённый от поверхности воды и оттого ещё более сильный, разнёсся по бассейну. Схватки оргазма, одна за другой, не переставая, сотрясали тело Тамары, кажется, целую вечность. Наконец, они стали реже и тише. Постепенно девушка приходила в себя.

Бессильно обмякнув в руках Порохова, она даже не имела сил, чтобы просто держаться на воде. Да и у самого Иннокентия Владиславовича предательски дрожали коленки. Вот это была битва! Давненько он так не выступал. Пожалуй, лет пять, как. А с женой, так и вовсе больше десятка.

Подняв на Порохова счастливые глаза, она тихо прошептала:

– Спасибо тебе, – и, уже отплыв от него, смеющимся голосом сказала: – Баринов, когда нас сюда вёз, сказал, что двух старичков развлечь нужно. Я, конечно, не скажу про обоих, но что один из них точно большой половой разбойник, так это наверняка.

– Так ты говоришь, он меня старичком назвал? – Порохов, было, нахмурился.

– Да! И ещё червяком! Земляным червяком! – голосом пантеры Багиры из мультика про Маугли промолвила Тамара и засмеялась.

Поняв, что это была просто шутка (а, может и не шутка вовсе, может, Тамара быстро нашла, что ответить) Порохов засмеялся:

– Всё, понижаю его в звании сразу на две должности.

– Ой-ёй-ёй, какие мы сердитые и грозные, – плеснула она в него водой. Видно было, что девушка уже передохнула от полученного удовольствия и теперь пытается снова завести его.

Но Порохов не принял её игру. Что ни говори – девушка вполне приятная во всех отношениях, однако, собрались они здесь вовсе не за тем. Поэтому, хлопнув ладонью по воде, как бы заканчивая спор, предложил:

– Давай, пожалуйста, выходить, а то там, в предбаннике, нас заждались поди.

Однако, когда дверь в предбанник была открыта, глазам Порохова и Тамары предстала чудная картина: Иван Петрович, широко открыв рот, закатив глаза и откинувшись на спинку кресла, полулежал совершенно счастливый, вытянув вперёд и немного раздвинув в стороны свои полные ноги.

Между ними, стоя на коленках, вовсю работала Марина. Правда, фронт работ был заслонен её густыми, огненно-рыжими волосами. Ритмично двигая головой вверх и вниз, она своей шевелюрой щекотала у Ивана Петровича в паху, доставляя тому, по всей видимости, неопишное наслаждение.

На Иннокентия Владиславовича при виде этой картины накатило вдруг какое-то юношеское озорство. Легонько шлёпнув Тамару по мокрой попке, он привлёк её за талию к себе и тихонько, почти шёпотом, продекламировал ей на ухо слышанные им когда-то и запомнившиеся строки:

Я сосала давеча
У Ивана Саввича.
Он на вид холёныйкий,
А на вкус солёныйкий.

Тамара, которая в силу своего молодого возраста никогда раньше не слышала этого стихотворения, тихо прыснула в кулачок, и, не спуская глаз с работающей, как насос подружки, потянувшись к уху Иннокентия Владиславовича:

– Так ведь он, вроде, Петрович, а не Саввич?

– Да какая разница, – еле слышно прошептал Порохов, крайне довольный увиденным. – Главное – сосала!

Дело, очевидно, шло к развязке. Вот уже руки Иван Петровича сползли с подлокотников кресла и опустились на голову Марины. Он уже не подчинялся её ритму, но задавал свой, совершенно невообразимый. Внезапно, весь вытянувшись, он как-то странно захрюкал (ну, точно – боровчонок, – подумал Порохов), руки его вдавили голову Марины к себе в пах, а ноги задёргались по полу.

Так продолжалось не более пяти секунд. Затем руки его упали, весь он обмяк и отпустил девушку от себя. Марина встала, обернувшись, увидела вошедших, но нисколько не смутилась. Наоборот, как бы с завистью посмотрела на подружку: уж той-то достался наездник покруче. Ещё бы: кричала Тамара, наверное, на весь коттеджный посёлок.

Увиденное неожиданно распалило вошедших. Порохов словно почувствовал себя лет на ...дцать моложе, когда он мог вот так, запросто, с утра и до утра заниматься любовью. Тамара, словно некие флюиды от Порохова передались и ей, уже потянула Иннокентия Владиславовича назад, в бассейн.

Однако, тут случилось непредвиденное. Лежавший около минуты в отключке Иван Петрович вдруг приоткрыл один глаз, обвёл им помещение и, заметив стоящих голыми Порохова и Тамару, совершенно будничным тоном произнёс:

– Вы тоже, вроде, успели? Вот и ладненько. Теперь, девоньки, вы уж извините, но нам с Иннокентием Владиславовичем побеседовать необходимо.

– Блин, вот она: номенклатура, – подумал про себя уже достаточно заведённый увиденным Порохов, однако вслух сказал нечто обратное: – конечно, девочки, вы пока поплавайте, а мы пойдём, в гостиной посидим, побеседуем. Идите, плавайте.

В роскошном, белом махровом халате, надетом прямо на голое тело ещё в предбаннике, Иван Петрович, устроившись в широком и мягком кресле у камина, начал разводить огонь. Тем временем Иннокентий Владиславович выбрал на сервировочном столике пару широких стаканов с тяжёлым дном. Сыпанув в каждый до половины льда из хрустального, отделанного

поверху серебром ведёрка, налил грамм по сто "Чивас Ригал" двенадцатилетней выдержки и присоединился к гостю.

Задумчиво глядя на огонь, со стаканом в руке, Иван Петрович ждал, что же скажет хозяин. Но и тот не спешил с разговором. Наконец, не выдержав, первым прервал затянувшуюся паузу гость:

– Славные девушки, жаль только, большие не доведётся вот так покувыркаться.

– Иван Петрович, дорогой, для тебя – хоть каждую неделю такие посиделки могу устраивать.

– Нет, Иннокентий Владиславович, как я понял, дело ты ко мне имеешь конфиденциальное и, как бы это сказать, приватное, что ли. Иначе, решали бы мы с тобой твою проблему у меня в кабинете. Разве не так?

– Так, Иван Петрович, так.

– А значит, если я возьмусь помочь тебе с **твоей** (тут он сделал ударение) проблемой, нам уж вряд ли придётся так вот ещё покуражиться. Ты же знаешь этих наших борзописцев: чуть, что пронохают – со свету съжить постараются.

– Это точно, – вздохнув, согласился с гостем Иннокентий Владиславович. – Никакой управы на них нет. Раньше любому главному редактору только цыкнешь, репортёришка всё и забудет. А сейчас – хоть цыкай, хоть денег давай, всё одно: в дерьме извалять постараются.

– Ну, вот! Ты всё понимаешь. Если не возьмусь я **твоей** проблему разрешить (он снова выделил слово "твоей"), так вряд ли ты меня снова к себе на междусобойчик подобный пригласишь, или не так?

Иннокентий Владиславович попробовал, было запротестовать, даже побожиться хотел, что это не так, но был остановлен жестом руки гостя:

– Если возьмусь и если это станет уже не **твоей**, а **нашей** проблемой, тогда и вовсе контакты, даже по телефону, придётся свести к нулю. Ну, или близко к этому. Ты же знаешь, сколько разной техники шпионской ныне развелось. Вон, Митинский рынок, – весь "жучками" завален. А мне, с моим положением, светиться на газетных полосах вовсе ни к чему. Усёк? – и после кивка хозяина, продолжил: – Ну, выкладывай, что у тебя на уме?

Начинать разговор было трудно, несмотря на выпитое. Никак не находилось нужных слов. Хозяин пробовал зайти то с одной, то с другой стороны, но всё не мог подобрать к сути своего предложения. Гостю такое словоблудие стало надоедать, и, поэтому, он спросил напрямик:

– Иннокентий Владиславович, кончай мне яйца крутить. Говори прямо, чего задумал?

– Не могу я спокойно на нынешних нуворишней смотреть, – наконец решился Порохов. – Воруют и воруют, уже всё в стране растащили. Обидно!

– За державу обидно? – усмехнулся Соковнин.

– За себя, Иван Петрович, за себя обидно! Тут, упираешься, как ломовая лошадь, лямку тянешь изо дня в день, получаешь жалкие гроши, а посмотри на этих! И лимузины у них, и виллы на Лазурном берегу, у кого-то даже самолёты личные!

– Так чего ты хочешь? Ты, лично?

– То же самое хочу. И виллу хочу, и самолёт, может быть...

– Эх ты, куда хватил: на это денег немеряно нужно...

– Так вот, Иван Петрович, задумал я и себе денег срубить и, заодно, друзьям помочь, из тех, кто ближе естественно. – С этими словами хозяин пристально глянул на гостя.

Соковнин пока не выглядел заинтересованным. Со скучающим видом он смотрел, как в камине пляшут редкие язычки пламени. Чувствовалось, что относительная беспредметность, нет, скорее – общность обсуждаемого вопроса, нагоняет на него скуку. Председатель мучительно искал, но пока не находил правильных слов.

– Так чего ты от меня хочешь, конкретно, а?

– Хочу я, Иван Петрович, куш большой сорвать. Годы мои уже не те, чтобы штаны по кабинетам просиживать. Решил я попробовать кредит взять без отдачи. Посмотри: сейчас только глупый свои долги отдаёт.

– Зато те, кто не отдаёт, долго не живут, – резонно заметил Соковнин.

– Правильно! Потому, что жадные. Делиться с кем надо не хотят.

– А с кем же делиться надо, если не секрет? – гость смотрел на Порохова со всё возрастающим интересом.

– А вот, хотя бы и с тобой. – Порохов с вызовом посмотрел прямо в глаза гостю. И, уже не таясь, добавил: – За поддержку правительственную, за гарантии по возвращению кредита.

– За крышу, значит? А ты не в курсе, разве, Иннокентий, сколько Россия должна Международному Валютному Фонду, да и другим инвесторам за предыдущие кредиты? И ты просишь правительственных гарантий на кредит, который и возвращать не собираешься?! – в голосе гостя зазвучало неподдельное негодование.

– Так, порастащили ведь, те кредиты в разные стороны! А ты, Иван Петрович, вот ты, конкретно, с тех кредитов хоть что-нибудь поимел? А? Может, жить стал лучше? – И без того тихий голос Председателя перешёл почти на шёпот. – А вот они, – он кивнул куда-то вверх, – жируют сейчас за наш с тобой счёт.

Соковнин сделал большой глоток виски, повращал немного стакан, так что льдинки зазвенели о стенки, снова отпил, и посмотрел на хозяина. Если Порохов не шутил, а он, похоже, говорил серьёзно, то появлялась отличная возможность добавить к уже накопленным сбережениям ещё немного себе на старость, а внукам на приличное образование.

– А ты отдаёшь себе отчёт, в том, **что** говоришь, Иннокентий Владиславович? И с кем говоришь? – Глаза его в упор смотрели на Председателя. – Ведь, согласись я сейчас на твоё предложение, пути назад для тебя будут отрезаны. Этот поезд, на который ты сесть норовишь, несётся без остановки. И только в одну сторону. Захочешь сойти – так только на рельсы и под колёса, другого варианта не будет. Ты действительно хочешь этого?

– Хочу, – решительно ответил Иннокентий Владиславович севишим от волнения голосом.

– Смотри, не дай слабину потом. В дело войдут такие люди, которые ни ошибок, ни слабости, ни, тем более – предательства не простят, запомни это.

– Ты меня, Иван Петрович, не пугай: пуганный уже. Сам знаешь, где я всю жизнь прослужил. Просчитал я всё и решил твёрдо: надоело жить в нищете. Или пан, или пропал.

– Ты значит всё это, – гость обвёл глазами помещение и усмехнулся, – нищетой зовёшь? Зажрался, однако...

– Да не об этом я, ты ж всё понял. Неужели сам о больших деньгах не мечтаешь?

– Не мечтаю... – Гость сделал паузу, отпил глоток из стакана и продолжил: – Я их делаю. Ну, если решил, выкладывай свой план. Хотя нет, подожди. Давай сразу расставим точки над *i*. Имей в виду: от того пирога, что ты собираешься урвать, тебе дадут откусить пятнадцать, ну, в крайнем случае – двадцать процентов. Захочешь больше – каюк, – гость выразительно чиркнул ногтем большого пальца по горлу. Откажешься на полпути – каюк. Ошибёшься – опять каюк. Ну, что, не раздумал ещё? Ещё не поздно отказаться. Последний раз предлагаю.

– Я же сказал: всё решено. И обратного пути не будет. Однако, откусить не жирно даёт.

– Есть и другой вариант: ты выкладываешь десять процентов от стоимости кредита и получаешь гарантии. Но, эти десять процентов – вперёд. Независимо от того, получишь ли ты тот кредит или нет.

– Помилуй, Иван Петрович, откуда я деньги такие возьму? Это же тридцать миллионов!

– Однако, и аппетит же у тебя! А насчёт десяти процентов вперёд, так это такса такая, – Иван Петрович, словно виновато развёл руками. – Ты что же думал, украсть – это всё? Нет, Иннокентий Владиславович, украсть и не попасться, вот что самое главное. А в нашем случае ты поймешь такую крышу, что и самый мощный ураган не сметёт. Всё понял? – и, увидев ответный кивок хозяина велел: – тогда выкладывай самую суть. Детали потом.

Хозяина Иван Петрович выслушал не перебивая. Лишь изредка пригубивал из стакана, так что к концу рассказа там остался один лишь лёд. И пока Иннокентий Владиславович наполнял стакан гостя новой порцией выпивки, сосредоточенно думал. Только получив из рук Порохова стакан и отпив небольшой глоток, заговорил:

– С инвестором определился? Точно надёжный? – и, заметив, что Иннокентий Владиславович не очень понял суть вопроса, пояснил: – Согласен дать такой большой кредит?

– Надёжнейший, Иван Петрович. И не только согласен – жаждет. Правда, хочет один процент координаторских с первого же транша.

– Понятно теперь, чем ты его купил, – улыбнулся Иван Петрович. – Значит, слушай меня внимательно: второй раз я повторять не буду, да и возможности такой не представится. Когда окончательно определишься с потенциальным инвестором, тебе предстоит сделать вот что. Первое: находишь фирмёшку, можно и дохлую совсем. Главное, чтобы баланс был положительный и кредитная история, если она есть – отменная. Переоформляешь её на подставного, но верного человека. Второе: составляешь для этой фирмы бизнес-план на строительство чего-нибудь эдакого. Ну, фешенебельного гостиничного комплекса, например. Третье: подаёшь по официальным каналам заявку на застройку участка где-нибудь на окраине. Четвёртое: от имени фирмы, обращаешься за поддержкой в правительство.

– Поддержку ты на себя возьмёшь?

– За всё остальное не беспокойся: и экспертиза бизнес-плана и блокада от журналюг, правда, только на первых порах, и гарантии инвестору, всё это – не твоя забота. Однако, начиная с завтрашнего дня, наши отношения исключительно официальные. Ну, не мне тебя учить. И помни: будь предельно осторожен. За любую оплошность можешь ответить головой. А теперь, если у нас всё, зови дам. Продолжим посиделки.

Иннокентий Владиславович, крайне довольный результатом беседы с важным гостем, поставил на столик почти пустой стакан, встал с кресла и направился к дверям, ведущим в бассейн. Конечно, до сегодняшнего разговора он рассчитывал на совсем иные деньги, нежели те, которые ему оставлял Соковнин.

Но и того, что оставалось на его долю, вполне хватало для безбедного существования до конца жизни на каком-нибудь острове в Карибском море. И даже возможные осложнения не могли теперь повлиять на приподнятое настроение Председателя. Да и как его настроение могло быть плохим? Такой крышей разжился – раз. А два – показал себя, как истинный боец. Настоящий половой гигант!

Приоткрыв дверь в бассейн, он не услышал там привычного уху плеска воды и голосов резвящихся девишек. Заглянув внутрь, он заметил, что вода в чаше бассейна чуть колышется. Дверь в предбанник была чуть приоткрыта и оттуда до него донеслись какие-то звуки. Заинтригованный происходящим, Иннокентий Владиславович прошёл к двери и заглянул в достаточно широкую щель.

Картина, открывшаяся его взору, завораживала: на мягком, накрытом простынёй диване, чуть постанывая раскрытым от наслаждения ртом, лежала Марина. Одну ногу она закинула на высокую диванную спинку, другая свешивалась почти к самому полу. Правой рукой Марина гладила свою роскошную грудь, пощипывая сосок, который уже набух от возбуждения, став похожим на большую коричневую фасолину. В то время, как её левая рука покоилась в районе паха, на голове Тамары.

Та, с видимым наслаждением, вылизывала вульву подруги, прогнувшись в спине и отставив вверх свою тугую попку. Одной рукой Тамара гладила Марину по груди, терзая свободный сосок, второй же рукой, просунув её под животом, она гладила и теребила пальчиками свою маленькую, ненасытную киску.

Завороженный происходящим, Иннокентий Владиславович, казалось, забыл всё на свете. Боясь даже пошевелиться, чтобы не разрушить всё очарование момента, он тихо стоял у двери, чувствуя, как непреодолимое желание нового соития охватывает всё его существо. Полностью поглощённый созерцанием лесбийских ласк, он даже не заметил, как подошёл Соковнин. Устав ждать возвращения партнёров у камина, он решил поторопить их сам и теперь, такой же замороженный, как и Порохов, стоял рядом с ним, наблюдая происходящее через его плечо.

– Что это? – тихо спросил он Иннокентия Владиславовича севшим вдруг от охватившего его волнения голосом.

– Борьба нанайских мальчиков с нанайскими же девочками, – так же тихо, чтобы не услышали девушки, усмехнулся Порохов. – Ты что, Петрович, телевизор никогда не смотришь? Лесбийская любовь, вот что это.

Сказал, и тут же осёкся. Стоило только Соковнину оценить сказанное, как издевку Председателя над собой, как самая надёжнейшая из крыш, только что обрётённая последним, тут же рухнула бы на его собственную голову.

Но Иван Петрович, казалось, уже ничего не слышал. Всё его внимание было обращено туда, где вовсю разворачивалось прежде никогда не виданное им действие. Зрелище было настолько возбуждающим, что оба зрителя уже просто не могли сдерживаться. Порохов скосил глаза на Соковнина и, не без удивления увидел, как тот, засунув руку между складок халата, теребит ею у себя в паху.

– Каковы сучки, а? – всё так же тихо, почти шёпотом, спросил Иннокентий Владиславович. – Может, повторим заход? Хочешь мою?

Иван Петрович в ответ на предложение только судорожно сглотнул слюну и отрицательно помотал головой. Увиденное распалило его до предела. Уже не таясь, он приоткрыл дверь пошире и шагнул в предбанник. Следом просочился Председатель. Но ни скрип открываемой двери, ни звуки шагов вошедших не могли отвлечь подруг, поглощённых страстью, от процесса самоудовлетворения. Не обращая внимания на мужчин, они продолжали яростно ласкать друг дружку, чувствуя приближение оргазма.

Сколько продолжалась последующая оргия, Иннокентий Владиславович вспомнить потом так и не мог. Помнил только, что закончился весь этот праздник похоти только под утро, когда Иван Петрович, сославшись на неотложные дела, покинул компанию.

На подставное лицо была зарегистрирована фирма. Был подготовлен бизнес-план на строительство и дальнейшую эксплуатацию фешенебельного гостиничного комплекса на окраине Москвы. Земля, которая была отведена под застройку, представляла собой обычную московскую свалку и для возведения гостиничного комплекса совершенно не годилась. Но это было только на руку новоявленным аферистам. Когда по этой причине строительство будет остановлено на самом начальном этапе, гораздо легче будет размыть средства и увести кредит из-под контроля инвесторов.

А отвечать за невозвращение кредита будет, как всегда, российское государство. И вот теперь, когда, казалось, все вопросы были улажены, кредитный договор запарафирован, грянул дефолт. Тайские инвесторы, понятное дело, тут же отказались от продолжения переговоров. И это в то время, когда каждый из дольщиков аферы уже предвкушал получение очредных миллионов! Действительно, в такой ответственный момент подумать было о чём.

Разумеется, отставных генералов от КГБ (ФСК, ФСБ) не существует. Тот же самый генерал КГБ Олег Калугин, о котором в прессе не упоминал разве что только ленивый, тому пример. Уехавший в США и, якобы, сдавший тамошним спецслужбам не одного тайного агента, он, тем не менее, продолжал регулярно получать генеральскую пенсию (но, понятное дело, не от американских спецслужб), за ним были сохранены и звание и награды.

Так и Иннокентий Владиславович Порохов, в своё время вышедший в отставку и посаженный кем-то из своих покровителей в председательское кресло банка "Северный". О том, что он получает зарплату в двух местах, знали только самые близкие ему люди. Однако, и родное ведомство не всегда было в курсе дел генерала. Во всяком случае, о предполагаемой афере с кредитом там не подозревали.

Используя наработанные ранее контакты и свою личную агентуру, Иннокентий Владиславович старался во что бы то ни стало найти выход из создавшегося положения. Конечно, форсмажорные обстоятельства снимали с него всю ответственность перед Соковниным и его людьми в правительстве. Однако сам он считал получение кредита делом чести, и верил, что в состоянии довести это дело до победного конца.

Вот уже больше недели доверенный человек Председателя Карамышев искал в Таиланде пути подхода к приближённому тамошнего премьера некоему мистеру Гошу. По оперативной информации тот был не просто коррумпирован, этим в Таиланде никого не удивишь, но патологически жаден.

Имея, по слухам, довольно тесные связи с местными наркодельцами, (а, может, и сам был таким) мистер Гош все, полученные этим путём средства вкладывал в недвижимость и раритетные драгоценности. Видимо, считая этот путь наиболее приемлемым для отмыва "грязных" денег. Поэтому, если он клюнет на изумрудную наживку, вопрос с кредитом можно считать решённым.

Конечно, человек Порохова не мог знать истинных намерений своего шефа. Решающие переговоры Иннокентий Владиславович решил доверить Баринову. Но Костю он сможет послать туда только после того, как из Таиланда будет получено согласие на встречу с московским эмиссаром. И, судя по донесениям Карамышева, такое согласие могло быть получено не сегодня – завтра.

– Андрюш, ну что ты такой противный? Почему не хочешь ехать со мной? – притворно обиженный голос Насти донёсся до Русакова сквозь шум льющейся из душа воды.

– Кисунь, ну, не могу я, ведь сколько раз уже объяснял. – произнёс он, входя в ванную комнату. – Ты же знаешь: мне с долгом рассчитаться нужно до конца сентября, пока на счётчик не поставили. Потом, посуди сама: у тебя работа там будет с утра и до вечера. А ночью дрыхнуть без задних ног от усталости будешь. Там я или здесь, – какая тебе разница? Всё равно побыть вместе времени не будет.

– Во-первых, симпозиум продлится шесть дней, из которых два – выходные. В горах побродим, по Женевскому озеру покатаемся. Знаешь, какие Альпы в начале осени красивые? А долг что? У тебя же ещё почти три недели для его погашения. Что-нибудь придумаешь. – всё не унималась Настя из за занавески.

Для своего возраста она была не такой уж легкомысленной, как могло показаться на первый взгляд. Просто Настя, как и всякая любящая женщина, была твёрдо уверена, что её любимый сможет преодолеть все трудности и вовремя рассчитаться с нависшим над ним долгом. Только эта уверенность позволяла ей снова и снова возвращаться к уговорам.

Однако, сам Андрей не был так категорически уверен, что сможет вовремя рассчитаться с банком. Срок платежа по возврату кредита истёк ещё в конце августа. В счёт оплаты была переведена только половина суммы кредита, остальное банк взял натурой.

Это был грабёж среди бела дня, но пришлось подчиниться обстоятельствам. Проплаченный контракт на поставку в Россию пятидесяти тысяч тонн тайского риса отошёл банку. Туда же уплыли фирма Андрея "Юго-Прод" со всем имуществом и наработанными связями, квартира и недавно купленный двухдверный "мерседес".

Оставшийся долг, приблизительно в пятьдесят тысяч долларов, он должен был успеть погасить до конца сентября. Иначе включался счётчик. Найти денег у друзей было решительно невозможно: они тоже в той или иной мере пострадали во время дефолта. Оставалось крутиться или надеяться на чудо.

Андрей хватался обеими руками за любую работу, но до заветной суммы было ещё ой как далеко. Оставалась надежда выручить достаточную сумму за продажу квартиры в Паттайе, которую он приобрёл пару лет назад во время одного из своих финансовых взлётов.

Как раз на ближайшие выходные у него была назначена встреча с потенциальным покупателем. Удачливый торговец бензином, он каким-то образом сумел избежать неприятностей, обрушившихся на головы россиян, и денег в дефолт не потерял. Теперь, пользуясь моментом, прикупил себе по сходной цене особняк на Рублёвке и в настоящее время раздумывал, где же ему устроить дачу.

Андрей рассчитывал получить за квартиру тысяч двести, в крайнем случае, – сто пятьдесят. Тогда оставались бы хоть какие-то деньги на возвращение в бизнес.

А Женева подождёт. Успеет он с Настей по озеру тамошнему прокатиться. И вдоль и поперёк. Сейчас деньги нужны для решения более насущной проблемы. Поэтому, как ни хотелось поехать, пришлось в очередной раз отказать любимой.

Конец понедельника принёс-таки Председателю, измотавшемуся ожиданием известий из Таиланда, хорошие новости. Уже под вечер из ноутбука, стоявшего в гордом одиночестве на огромном столе, донеслось курлыканье почтовой программы, означавшей получение нового сообщения.

Иннокентий Владиславович выудил письмо и ввёл его в программу-дешифратор. Когда текст письма стал читабельным, он пробежал письмо от начала до конца, перечёл ещё раз и нажал на кнопку интеркома:

– Сонечка, посмотри, Баринов у себя? – подобревшим голосом спросил он.

– Бегу, Иннокентий Владиславович.

– Разрешаю во время поисков заскочить в буфет, но ненадолго, – милостиво дозволил Председатель, что было признаком хорошего настроения.

Костя Баринов появился сразу, так, будто ждал вызова за дверью. Обведя взглядом пространство кабинета и завидев повеселевшее лицо босса, спросил:

– Хорошие новости, Иннокентий Владиславович?

– Лучше не бывает! Мой человек в Таиланде вышел-таки на нужного нам человека, он сведёт нас с мистером Гошем. Вылететь тебе придётся сегодня. Как раз на ночной рейс попадёшь.

– Что, Аэрофлотом? – лицо Баринова скривилось в кислой мине.

– Давно ты буржуином заделался? – голос Иннокентия Владиславовича приобрёл стальные нотки. – Ты, понимаешь, сначала дело сделай, деньги заработай, потом хоть и вовсе свой самолёт покупай! Или уж сразу ракету.

– Понял, Иннокентий Владиславович, – сразу посерьёзнел Баринов, – Какие указания по Таиланду?

– В бангкокском аэропорту тебя встретит мой доверенный. Карамышев Сергей Сергеевич. Он знает только то, что знает. Большого ему знать пока не обязательно. Выведет тебя прямо на нужного нам человечка. Тогда и посветишь его в остальные подробности.

Как того мафиози убалтывать, решай сам. Главное – заручиться его согласием и впоследствии передать ему изумруд, как аванс. Далее, пообещай ему десять процентов с каждого транша, получаемого заёмщиком, то есть нами. Это твоя часть работы и твоя головная боль. Он должен дать согласие. Как ты это провернёшь, меня не касается, но уболтать его ты должен! Понятно?

– Как я узнаю встречающего?

– Он сам тебя узнает. Скажет, что от Порохова. Вот что ещё: – он протянул Баринову листок бумаги – на сайте по этому адресу будет висеть информация о камне и его фото. Сайт запаролен. Пароль – эмеральд. Покажешь мистеру Гошу, если слов нужных не найдёшь. От такой красоты он вряд ли откажется. Всё. Если что – звони.

Иннокентий Владиславович не любил подолгу разговаривать с подчинёнными. Он сам набирал людей к себе на службу и привык к тому, что все его приказания исполнялись с лёту. В этом он не делал исключений даже для особо приближённых к нему доверенных людей.

Среда

Вновь Баринов появился в главном офисе банка "Северный" в среду утром. Немного уставший и осунувшийся от длительного перелёта, он, тем не менее, не мог, да и не хотел скрывать своей радости от удачно выполненного задания.

Водрузив на столик секретарши букет роскошных орхидей, и для формальности спросив её: – У себя? – он, не дожидаясь её ответа, открыл дверь Председателя.

– Можно к вам, Иннокентий Владиславович?

– Заходи, путешественник, заходи. Чем порадуешь? – хозяин кабинета привычно щёлкнул тумблером в ящике стола.

– Ваше задание выполнено, – шутливо начал Костя, но, увидев серьёзный взгляд Иннокентия Владиславовича, понял, что сейчас не до шуток. – Обо всём договорился, как вы и велели. И о камне и о процентах с каждого транша. Теперь таец этот ждёт, не дожидется подарочка. Предлагал даже встретить меня в следующий раз в аэропорту, чтобы не было проблем с таможей, да я отказался.

– Что отказался – хорошо, молодец. Ни к чему теперь тебе с камнем туда ехать. Не ровён час мистер Гош какую каверзу удумает. Продумать нужно будет, как подарок свезти. Ну, об этом потом, сейчас – докладывай по порядку.

Костин доклад длился минут двадцать, в течение которых шеф несколько раз прерывал подчинённого своими вопросами. Выслушав Баринова, заметно повеселел и нажал кнопку интеркома:

– Сонечка, давай-ка, по-быстрому, чего-нибудь сооруди, ну, и закусить не забудь.

А уж выпивка с подчинённым, да ещё с утра, означала высшую степень благорасположения шефа.

– Ну, давай за успех нашего небезнадёжного дела! – произнёс Иннокентий Владиславович, выпил, не чокаясь с Костей, и взял в руку дольку традиционного лимона.

– Теперь какие будут указания? – спросил Баринов, закусывая принесёнными бутербродами.

Председатель, посасывая лимон, поднялся с кресла и начал вышагивать по кабинету. Ситуация близилась к тому самому моменту, после которого уже невозможно будет ничего переиграть. Поэтому от правильности принятых сейчас решений зависел весь успех предстоящей аферы.

– То, что ты мне рассказал, с одной стороны радует: действительно, жаден, оказался человек. Однако, с другой стороны – настораживает. Как же так? Столь серьёзный вопрос, а он его даже не обдумал, как следует?

– Может, он попросту решил взять то, что само в руки плывёт, а потом отказаться? Заявлять-то мы никуда о взятке не можем. – высказал свою мысль Костя.

– Не-ет, это только наши, доморощенные чиновники так поступают: деньги получают и – привет. Таец, не сможет так поступить: он потеряет лицо. А это хуже смерти для них. Зато он может попытаться завладеть камнем ДО того, как ты подаришь ему изумруд. Вот это вполне реально. Но, так или иначе, камень придётся туда переправлять.

– А нельзя с помощью коллег ваших? Бывших, – поправился Баринов.

– Забудь об этом! – рявкнул, по-генеральски, Председатель. Во-первых, камень этот светить перед людьми из моего **бывшего** ведомства нельзя. Недолго вообще без него остаться, такие акулы кругом. А во-вторых, всей твоей доли не хватит, чтобы их накормить, если помогать начнут.

Ещё и от моей укусить попытаются. Нет, этих нельзя. Но и тебе его переправлять – не дело. Нужен человек незасвеченный. Но предельно надёжный. Есть у тебя такой на примете?

– Пожалуй, есть.

– А не польстится он на шальные деньги, не умотает, куда, с нашим камешком?

– У меня есть достаточно мощные рычаги воздействия на него. Потом, в одночасье такой раритет без документов продать невозможно, разве за гроши. Да и за близких он побоится, – добавил Костя.

– Я его знаю?

– Да, Иннокентий Владиславович, это Андрей Русаков, бывший хозяин "Юго-Прод". Он нам ещё около пятидесяти тысяч должен. Пообещаем его долг банку погасить, согласится, как миленький.

Председатель вспомнил лицо молодого коммерсанта, который не так давно подписывал необходимые бумаги по передаче его фирмы в собственность банка. Парень явно был не простой, если в таком возрасте уже прокручивал миллионные сделки. Такой, пожалуй, может выполнить это деликатное поручение. Однако, какой-то червячок сомнения всё же тревожил душу.

– Не очень годится человека со стороны привлекать: не дай Бог звон пойдёт, потом хлопот не оберёмся.

– Он не из болтунов. Потом, не в его интересах это будет: он же и сам замарается с контрабандой.

– А с таможней у него как, порядок? Имей в виду: подстраховывать своими связями я не могу.

– Да хоть в задницу себе этот камень засунет, но провезёт: парень он ловкий.

– Ну, смотри: за эту часть операции отвечаешь головой. Сколько времени нужно на всё про всё?

– Думаю, недели хватит, Иннокентий Владиславович.

– Значит так: впредь до особых распоряжений освобождаешься ото всех дел и готовишь переброску изумруда. Когда твой "верблюд" будет готов, получишь камень. Свободен.

Развалившись на мягких подушках салона банковского лимузина, Иннокентий Владиславович не переставал размышлять над докладом Баринова и их разговором.

Подводных камней в этом деле было видимо-невидимо. Аж голова кругом шла. Во-первых, таец. Ну, этот, если подарок возьмёт – всё обещанное сделает. Иначе и быть не может. Иначе он теряет лицо. Правда, он может попытаться завладеть камнем до встречи с Бариновым. Но от этого ещё можно застраховаться, перебросив камень с "верблюдом".

А вот "верблюд"... Он представлялся Председателю одним из самых слабых звеньев в предстоящей операции. Использовать такого для транспортировки изумруда? Только в одном случае: если после выполнения поставленной задачи он будет пущен в расход. Иначе, не избе-

жать утечки. И связанной с этим потом неминуемой головной боли. Уж в этом Иннокентий Владиславович был уверен.

Вот только, сам "верблюд" не должен об этом даже подозревать до самого конца, иначе предсказать его поступки наперёд будет просто невозможно.

– Хорошо, всё же Костя придумал: простить долг и тем самым понудить его к сотрудничеству, – подумал Председатель. – Однако, не нужно и ему до срока говорить о моих дальнейших планах насчёт этого, как его... Ах, да, Русакова.

Костя, парень хоть и верный, однако, в экстремальных ситуациях не проверенный. А ну как выдаст себя поведением, или чем ещё? Да и не осилит он такую зачистку. Пожалуй, оставлю это пока на Карамышева. А там посмотрим.

Решив про себя эту часть проблемы, Председатель с головой окунулся в текущие дела.

Настя вышла из душа в его рубашке, которая доходила ей до колен и с полотенцем на голове.

– Всё-таки, ты меня не любишь, – она уже который день никак не могла уговорить его на поездку. – Я же тебя не на край света зову, а в Швейцарию. Если и туда не хочешь со мной ехать, значит, точно не любишь.

– Котёнок, – начал Андрей, – ну пойми ты, не время сейчас. Вот, разберусь с долгом, тогда – обещаю: самое малое на месяц с тобой отправлюсь хоть в горы, хоть на море, хоть в Тьмутаракань.

– Вот так всегда: всё потом, потом, – обиженно надула губы Настя, хотя глаза её смеялись. Было видно, что она вняла доводам Андрея, но останавливаться так просто не хотела и продолжила: – Нет бы, продемонстрировать любимой девушке всю силу своей любви...

– Заинька, – Андрей всё не догадывался, что она его просто подначивает, – я ведь утром тебе демонстрировал!

– Помню, помню, – засмеялась Настя, подбежав к Андрею и увлекая его на ещё не убранную постель, – всё помню, до сих пор не отошла от той демонстрации, – и накрыла его губы поцелуем.

До Андрея, наконец, дошло, что она над ним подтрунивает, приняв её игру, он подмял девушку под себя, и страшным голосом зарычал: – Я сейчас буду показывать тебе всю силу своей любви до тех пор, пока ты не согласишься пощады!

– Нет, я вовсе не это имела в виду, – запротестовала Настя, – ты мог бы пригласить меня в театр, ну, или, в крайнем случае, пообедать в ресторане.

– Приказывай, моя госпожа, какой пищи ты хотела бы вкусить сегодня: духовной или телесной? – молитвенно сложив руки у груди, дурачился Андрей.

– Пожалуй, я отведала бы утку по-пекински.

– Слушаю и повинуюсь, госпожа, – Андрей потянулся к телефону, но тот вдруг затрещал сам.

– Говорите, – произнёс он, поднеся трубку к уху.

Оттуда раздался до противного бодрый голос Кости Барина:

– Есть разговор, старик, – коротко сказал он в трубку, – сможешь подъехать?

– Да мне, как бы и нечего сказать пока. Вот, добуду ещё пятьдесят тысяч и сразу у вас в банке объявлюсь.

– У меня для тебя новости. Нужно встретиться: есть одно выгодное предложение, тебе должно понравится. Подъезжай к двум к нам на Ленинградку. Пропуск я закажу.

Закончив разговор, Андрей повернулся к Насте:

– Котёнок, мне нужно будет к двум часам в банк заехать, какие-то новости у них есть. Говорят, хорошие. Так что я съезжу, а часиков в пять или пораньше вернусь. Правда, пообедать не получится, зато поужинать – пожалуйста. Столик я закажу.

- Ну ладно, ужин, так ужин. Это даже интереснее. А куда пойдём?
- "Золотой Дракон" на Каланчёвке подойдёт?
- Ну, хорошо, уговорил не без труда, – засмеялась Настя и чмокнула его в щёку.

От хрущёбы, в которой обитал Андрей после продажи своей квартиры, до банковского офиса на Ленинградском проспекте было не очень далеко: примерно на полчаса пути. Однако, добираться пришлось почти полтора часа: нескончаемые пробки заправили все улицы. Машины перегревались на солнце, водители высовывали в окна головы, пытаясь рассмотреть, что там, впереди, и матерились вполголоса.

Старенькая "копейка", оставшаяся Андрею после смерти родителей, с трудом продвигалась вперёд. Все четыре окна её были опущены до упора, но это не спасало от полуденной жары.

– Как всё-таки быстро привыкает человек к хорошему, – думал он, закуривая (уже которую по счёту?) сигарету. – Когда ездил в мерседесе с кондиционером, любая пробка была нипочём: врубишь тихонько музыку и балдеешь в прохладе. Ну, ничего, поправлю дела – лучше прежнего куплю.

Пропуск для входа в банк не понадобился. Когда Андрей подъехал к банковскому офису на Ленинградском проспекте, Баринов уже ожидал его возле входа. Поздоровавшись, он взял Андрея за локоть и предложил: – пройдемся по бульвару? И, не ожидая ответа, потащил его к пешеходному переходу.

На бульваре Костя остановился, закурил сигарету, постоянно вертя при этом головой, будто осматриваясь. Прохожих рядом не было, только на газоне резвился молодой лабрадор, пытаясь отнять у старичка-хозяина брезентовый поводок. Костя отошёл от них ещё метров на десять и лишь потом заговорил:

– Есть новости, старик. По мне – так очень хорошие. Появилась возможность твой долг погасить. Ты говорил, тебе пятидесяти тысяч не хватает? Так вот, есть работа как раз на полтинник. Интересно?

- Если по моему профилю, то да, интересно.
- Вот-вот, как раз по твоему профилю: импорт-экспорт.
- А что за товар и откуда-куда?

Баринов выбросил окурок на газон, полез за пачкой и достал ещё одну сигарету. Отвернувшись от ветра, нагнулся к зажигалке, прикуривая, а на самом деле ещё раз, проверяя, не слушает ли их разговор кто-либо поблизости. Убедившись, что никого подозрительного поблизости нет, снова повернулся к Андрею:

– А товар, старик, такой: – Костя сложил большой и указательный пальцы правой руки в баранку и показал Андрею.

– Нет, пожалуй, даже такой: – и он, посмотрев в получившееся отверстие, немного уменьшил диаметр круга.

– Что-то ты загадками говорить начал, – не понял его Андрей.

– Какие уж тут загадки, старичок, – зашептал ему на ухо Костя, хотя пешеходов поблизости не было. – Камешек один красивый в Таиланд нужно вывезти, вот и вся недолга. За полтинник денег – работы на пару дней. Ну, кто ещё тебе такое крутое предложение сделает, если не старый друг?

– Что же это за камешек такой? – заинтересовался Андрей.

Костя приблизил своё лицо к лицу Андрея и, как бы уговаривая, начал:

– Серьёзные люди, ты их не знаешь, изумруд решили продать. Камень красоты необыкновенной. Но красоту на хлеб... Впрочем, я не про то: нужно изумруд этот за кордон переправить. Здесь сейчас продать его некому, а там им денежку дадут. В Бангкоке миллионщиков – пруд пруди. А уж в изумрудах тамошние ювелиры толк знают. Свезёшь камешек, а люди те, серьёзные, долг твой перед банком погасят. Всем хорошо!

– А почему ты ко мне с этим предложением сунулся, у вас что, своих надёжных людей нет?

– Да потому, старик, что ты в этот Таиланд почти каждый месяц, если не чаще, мотаешься. И никогда проблем с таможней в Шереметьеве у тебя не возникало. Примелькался ты там, поди, и в лицо тебя таможенники знают. Ну и, самое главное, парень ты надёжный, честный. Так что, я думаю – ты самый надёжный вариант.

– Нет, Костя, не пойдёт: и на старуху бывает проруха. А вдруг прокол? Или таможенник новый? Нет, уж лучше я банку долг полностью выплачу, чем на лагерную пайку сяду. Тем более, время у меня ещё есть, почти три недели впереди. Да ещё ко всему я клиента на свою паттайскую квартиру почти нашёл. На выходные с ним стрелку забил. Так что, уверен: я ещё в этом месяце с вами расплачусь.

– Чудак человек! Не понимаю я, чего ты отказываешься? Такие предложения не каждый день делают. И, поверь, старик: не каждому, далеко не каждому.

– Нет, Костя. Не возьмусь. Зато могу дать бесплатный совет, – и, заметив, как заинтересованно слушает Баринов, зашептал ему на ухо: засунь этот камень себе в жопу и смело топай с ним сам через таможню.

– Ну, смотри, старик, шути пока. Но не прогадай. – Костя старался не показать, как задела его грубая шутка Андрея. – Моё дело предложить. Конечно, сам понимаешь, я ничего тебе не говорил, а ты – не слышал. Хотя жаль, конечно. Не опоздай с выплатой долга, я тебе помочь не сумею. Ну, будь здоров, – и он повернул назад, к банковскому офису.

– И тебе не кашлять, – раздосадовано пожелал ему вполголоса Андрей и, повернувшись, решительно зашагал к своему автомобилю.

– Отказался он, Иннокентий Владиславович, наотрез отказался, сука позорная, – докладывал Баринов Председателю через пару минут.

– Что, и на погашение долга не польстился? – Председатель поморщился, и было непонятно: то ли от Костиного жаргона, то ли отказ Русакова так его огорчил.

– Нет, он говорит, что по условиям соглашения с банком у него есть ещё почти три недели для оплаты, а он вот-вот будет готов погасить.

– Херово, – как и всякий генерал, хоть и в отставке, Иннокентий Владиславович никогда не стеснялся резких выражений. Причём, херово дважды: и что отказался, и что лишний человек теперь в курсе. Это вообще никуда не годится. Постой, ты мне когда его предлагал, говорил, он за близких своих может бояться! А кто у него?

– Насколько я знаю, почти жена. Во всяком случае, живут вместе в гражданском браке.

– Так возьми её в заложницы, девку эту, короче, что хочешь делай, но теперь он ДОЛЖЕН согласиться. Ты его рекомендовал, вот теперь сам и расхлёбывай. Помогать тебе надо?

– Есть у меня люди, справлюсь.

– Вот-вот, справься уж, а не то – головой ответишь. Ты ж понимаешь, что в этом деле интерес имеют люди не просто повыше меня, а с самого-самого верха? А такие не шутят. И ошибок не прощают. Уж если мы их пригласили в дело, обратной дороги нет. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Ну, моя-то – не знаю. А вот твоя точно может там оказаться. Так что, исправляй ситуацию. Времени не теряй: его у нас и так в обрез, – предостерёг его шеф и коротко напутствовал: – А теперь иди. Удачи!

– Сделаю, Иннокентий Владиславович, – убеждённо произнёс Костя. – Будьте уверены.

Уже через пять минут Баринов, сидя в своём кабинете, говорил в трубку:

– Лёша? Привет, узнал меня? Есть у меня дело для твоих ребятишек... Да, довольно срочное... Оплачиваю, по отдельному тарифу... Нет, я сам к тебе заеду... Нет, не по телефону: дело серьёзное... Ну, пока, до встречи.

Квартира Лёши-Справочника, до которой предстояло ему добраться, находилась почти на самой окраине Москвы. Баринов нёсся туда на своём "фиате", пренебрегая запрещающими сигналами светофоров и нарушая все мыслимые правила дорожного движения.

Злость на Андрея, который, по его мнению, стал препятствием к достижению самой главной жизненной цели, переполняла всю его сущность и искала выхода. Как он мог отказаться от такого щедрого предложения? Это же надо быть полным, нет, просто клиническим идиотом! Ещё вчера за такие деньги Костя и сам считал бы за благо работать.

Всю свою сознательную жизнь Костя Баринов мечтал стать богатым. Прочитанный им ещё в шестом классе роман Ильфа и Петрова "Золотой телёнок", только утвердил его в стремлении сколотить солидный капитал.

Мальчик умный, он уже тогда понимал, что добиться своей цели можно, только состоя при власти. А путь к ней всегда лежал только через лесть и предательство. Это он тоже успел понять. Но потенциальная возможность стать стукачём не останавливала юного школяра.

Искательно заглядывая в глаза классному руководителю и, как бы советуясь с учителем, он начал потихоньку "постукивать" на школьных товарищей. На классных собраниях гневно обличал двоечников и прогульщиков.

Эта его черта не осталась незамеченной старшими товарищами. По рекомендации райкома комсомола Баринов был назначен секретарём школьной комсомольской организации.

Теперь уже приходилось стучать на друзей кагэбешнику Порохову, курировавшему райком комсомола. Стучал на своих же товарищей, с которыми учился или ездил на комсомольские семинары и конференции. Обличал половую распущенность новых друзей и подруг, их любовь к западной музыке, заграничным шмоткам. И хотя сам он тоже любил одеться поприличнее, обосновывал это тем, что так легче прослыть "своим". Его информация достаточно часто бывала пустой, иногда, по неопытности, говорил лишнее и те, на кого он стучал, случалось, выясняли источник "стука" и бивали Костю довольно сильно.

Друзей особых у него не было, да и просто знакомые не очень стремились к тесному общению: слава про стукача неслась впереди него. Однако, носа Костя Баринов не вешал, потому что был уверен: дорога к Большой Цели стоит того, чтобы стать изгоем. Постепенно стали появляться и ощутимые блага. И первым из благ было освобождение от воинской службы в армии.

Его "благодетелю" из КГБ жаль было терять такого ценного кадра. Постепенно, с повышением в должности "благодетеля", повышался статус и самого Кости. Хозяин повсюду тянул его за собой, устраивая то тут, то там на разные тёпленькие местечки.

Последним местом службы для него стало место референта у хозяина, когда того со службы отправили в отставку, и посадили в кресло Председателя правления не самого последнего банка в стране.

Честно сказать, место не было таким уж хлебным, но исполняя зачастую особые поручения Председателя, Костя получал немало дополнительных благ. Неплохая квартирка в доме с консьержем и видеокамерами слежения по периметру. "Фиат" последней модели. Без особых наворотов, зато абсолютно новый.

Но всего этого было не то что мало, нет. Этого было совершенно недостаточно! Богатый человек, считал Костя, не будет думать, на какой заправке заправиться подешевле, но поедет на ту, что ближе. Отдыхать, наоборот, поедет подальше. И не как-нибудь, а исключительно первым классом.

И вот, когда до достижения Главной Цели оставались какие-то шаги, на пути к ней встаёт какая-то харя неумытая и грозит всё, проделанное до этого, пустить под откос! Совсем неудивительно, что Костя злился. В голове проносились поочередно то напутствие шефа, то мысли об Андрее:

– Вот, паскуда, такой куш из рук вот-вот уплывет, а он целку из себя строить начинает! Ну, ничего, как девку его к рукам приберём, мигом шелковым сделается. Нужно только побыстрее. Как говорится, куй железо, не отходя от кассы. Погоди, ещё в ногах поваляешься!

Злоба на Андрея за его отказ от такого заманчивого, на Костин взгляд, предложения, распаляла его всё сильнее. Не в силах дожидаться лифта, застрявшего где-то наверху, взлетел по лестнице на четвёртый этаж и нажал кнопку звонка.

Хозяин открыл дверь после пристального изучения пришедшего через неприметный на чёрном фоне двери глазок. Росточка он был невысокого, сутул, спортивный костюм на хилом туловище болтался, как на вешалке. Весь его вид показывал, что перед вами стоит обычный человек, немало битый нашей нелёгкой жизнью, который уже смирился перед ударами судьбы.

И только глаза, цепко смотревшие из-под кустистых, по-брежневски, бровей, совершенно не соответствовали первоначальному впечатлению. Осмотрев гостя и внимательноглянув вверх – вниз по пролётам лестницы, хозяин, не заметив ничего подозрительного, слегка подвинулся в сторону и предложил, немного заикаясь:

– П-проходи, чего на лестнице с-стоять?

– Спасибо, – поблагодарил Костя и прошёл внутрь.

Обычная двухкомнатная квартира, в обычной московской хрущёвке, могла бы навести постороннего на мысль, что и хозяин её – обычный москвич. Однако, это было далеко не так.

Алексей Николаевич Долгих, более известный в определённых кругах, как Лёша-Справочник, на самом деле не был такой уж безобидной фигурой. В криминальном мире о его способности поставить на нож даже самого отпетого уголовника ходили легенды.

Никто, так как он, не мог поразить противника точно в глаз бритвенным лезвием, выбираемым щелчком с пальца. В самых сложных разборках и на воровских сходках Справочник неизменно сохранял рассудок и мог в мгновение ока поставить на место любого зарвавшегося.

Из своих почти сорока лет жизни, Лёша-Справочник провёл около двадцати в скитаниях по колониям и тюрьмам. В первую свою ходку он отправлялся, под кличкой Шкет, до того он был мал да худ.

Но уже в колонии для несовершеннолетних за отказ сотрудничать с администрацией, был бит по голове толстенным телефонным справочником. Чуть не забитый до смерти, Шкет потом долго валялся в тюремной больничке, откуда вышел с лёгким, но на всю жизнь оставшимся, заиканием и новым погонялом, в котором, из уважения к стойкости пацана, уже присутствовало и его имя: Лёша-Справочник.

Постепенно его кличка стала известна во многих пересыльных тюрьмах и лагерях. Твёрдость в вопросах соблюдения воровских законов приводила к тому, что он не мог подолгу уживаться в "сучьих зонах", там, где население зоны шло на поводу у администрации.

А в зонах, где вершили суд да расправу "правильные" паханы, он не просиживал и месяца, как случался какой-нибудь конфликт с местным "авторитетом". Несколько раз его пытались поставить на перо, но каждый раз он, каким-то звериным чутьём предугадывал опасность и жестоко наказывал своих обидчиков.

В результате, его оставили жить самого по себе. Никто теперь не посягал на его права или, не дай Бог, жизнь, к голосу Лёши-Справочника прислушивались. Но ни в зоне, ни на воле, ни к какой группировке он так и не примкнул. Так и жил он, как одинокий волк, работая по заказам и тихонько проворачивая свои дела с помощью нескольких верных подручных.

– П-п-присаживайся, в ногах п-правды н-нет, – предложил он Косте, едва они зашли в комнату.

Устроившись, Баринов осмотрелся. С момента последнего посещения здесь ничего не изменилось. Всё так же голо и пусто в квартире у Лёши. Лишь широкая до неправдоподобия тахта, продавленный диванчик да облупленное трюмо в углу. Как настоящий законник, тот

не признавал излишеств, справедливо полагая, что если на воле что-то держит, то недолго и воровской идее изменить. А этого Лёша-Справочник позволить себе не мог.

В соседней комнате двое парней сражались в карты. Азартные возгласы: "бэла", "терц", "рост" – то и дело относилось оттуда. Заметив вопросительный взгляд Кости, обращённый в сторону парней, хозяин успокоительно мотнул головой, как бы говоря: – это свои, не беспокойся.

– Ну, в-выкладывай, ч-что у тебя з-за дело? – хозяин уселся в кресло напротив.

– Дело у меня, Лёша, не сложное: девку молодую нужно у одного клиента увести. И подержать в тихом месте дня четыре.

– Ч-ч-что, любовь з-заела? – усмехнулся хозяин. – А сам ч-что же?

– Какая любовь?! Дело горит, а мудак тот помочь не хочет.

– А бабки предложить ему, не проще будет?

– Да не берёт! Упёрся и всё тут. Короче: возьмёшься или нет?

– Ч-что ж не в-в-зяться, к-коли сговоримся? К-кто такой, откуда? К-крыша есть?

– Да нет у него никакой крыши! А даже если и есть, он к ней обращаться не станет. Говорю же тебе, если девку его придержать, он и пикнуть не посмеет. Ни в ментуру, ни в РУБОП не пойдёт, тут можешь не беспокоиться.

– Т-так все г-говорят: не бе-беспок-к-койся, а к-как до дела дойдёт, т-тут нам руки и к-к-крутят.

– Лёша, я когда-нибудь тебя подводил с информацией?

– И н-не д-д-дай тебе Бог меня п-по-одвести!

– Вот и сейчас обещаю: если девку возьмёте, никуда он не рыпнется, не бойся.

– Ба-ба-а-яться т-тебе нужно б-б-удет, если т-твой человек звон па-па-днимет.

– Короче, берёшься, или нет?

– Сы-сколько?

– Пять косых. – и, заметив недовольную мину хозяина, добавил: – А что, нормальная цена за такую работу.

– Парень, т-т-такой цены не су-существует. Риск ба-ба-альшой.

– За такую цену киллера можно нанять и клиента замочить, не то, что девку похитить! – Костя не собирался сдаваться и торговался отчаянно. – Ну, ещё пару косарей наброшу.

– Де-е-сятка. Па-па-следнее моё слово.

Может быть, и можно найти в Москве исполнителей подобного заказа, даже за меньшие деньги, но Баринов таких не знал. Если искать других, уйдёт время. А председатель чётко сказал: времени нет. Как ни жалко было Косте платить такие деньги, но пришлось согласиться.

– Хорошо, десятка, так десятка. Только условие такое: девку увести должны за сегодня – завтра. Больше времени нет. – И заметив на лице хозяина недовольство, заметил: – Я же на твои условия согласился.

– Хорошо, но за-за-даток вп-перёд.

– Понятное дело, но смотри: с девкой ничего не должно случиться. Чтобы и волос с головы не упал. А то я знаю твоих бойцов. Им мяска молоденького покажи, мигом голову потеряют. – Костя полез в карман за деньгами и, передавая их хозяину, спросил: – Держать её здесь будешь?

– Я ч-что, д-д-ду-урак какой, ч-чтобы з-здесь её ч-ч-алить? За-а городом посидит.

– Ну, ладно, тебе видней. Но я должен знать, где она находится, потому что в любой момент может понадобиться. Но, помни, что я сказал: девку пальцем не трогать, пока у тебя будет. Ты вот что мне ещё скажи: у твоих бойцов загранпаспорта имеются, так?

– К-конечно, они же н-на отстой ку-куда-то ездят. А з-за-ачем тебе?

– Я хотел ребятишек твоих, из тех, что посмышлёней, в Таиланд отправить. Но это, только если девку отнимут, и он согласится для меня работу сделать.

– Та-та-а-гда давай одно дело сделаем, па-а-том про другое г-г-оворить станем. Паша, поди-ка сюда!

Парни в соседней комнате прервали игру и в комнате появился такой же, как и хозяин парень, небольшой, сухошавый, с нервным, подёргивающимся лицом.

– Ра-а-сказывай ему про девку.

За пять минут Баринов ввёл Пашу в курс дела. На листке бумаги написал адрес Андрея, номера его мобильного и домашнего телефонов. На отдельной бумажке записал номер своего мобильного и приказал, на всякий случай, бумажки держать по отдельности.

– Как только дело сделаете, сразу же связывайтесь со мной. Но упаси вас Бог, что-нибудь сотворить с девкой. Должна быть накормлена, напоена и спать устроена не как заложница. Деньги я плачу только за её похищение, но уж никак не за ваше удовольствие. – Выдав жёсткие инструкции, Костя повернулся к хозяину.

– Ты за них ручаешься?

– Ка-ак за себя. Не бойсь, всё пу-утём будет.

Ещё до конца рабочего дня Баринов успел вернуться в офис. Секретарша Сонечка как всегда сидела за компьютером и играла в свои игры. Завидев входящего в приёмную Костю, кивнула головой в сторону двери в кабинет Председателя, как бы говоря: – у себя.

За последние несколько дней она уже успела привыкнуть к тому, что Баринов, явно связанный с Иннокентием Владиславовичем какими-то приватными делами, входил к нему почти без стука.

Так и сейчас: едва стукнув (для видимости) в председательскую дверь, Костя приоткрыл её, засунул голову в образовавшуюся щель, спросил: – Можно? – и, не дожидаясь ответа, проскользнул в кабинет.

Иннокентий Владиславович сидел в своём любимом кресле с ноутбуком на коленях и что-то печатал.

Наверняка, не для чужих глаз, иначе Сонечке бы поручил, – подумал Баринов и не ошибся.

– Присаживайся. Хотя нет, я пока письмо Карамышеву допишу, а ты Соню попроси нам чаю сделать. – Не отрывая глаз от дисплея сказал Председатель и продолжил стучать по клавишам.

– Сонечка, чайку нам не сварганите? – улыбнувшись секретарше, попросил он, выходя в приёмную.

– Подождите тут, или идите в кабинет, я принесу.

Уже за чаем Председатель, выслушав доклад Баринова, задумчиво пожевал солёных орешков, вздохнул, как бы что-то прикидывая и, глядя на Баринова в упор, произнёс:

– Народу в нашем деле всё прибавляется. Причём, половину из них я практически не знаю. Вся ответственность, поэтому, ложится исключительно на тебя. Я уже говорил тебе, что за люди стоят сверху нас.

Но не поленюсь и повторю ещё раз: ни в коем случае не выпускай ситуацию из-под личного контроля. Запомни: если что пойдёт не так – сбой какой или, не дай Бог, утечка случится, долго мы с тобой после этого не проживём. И защиты ни у кого не отыщем. Понятно вещаю?

– Иннокентий Владиславович, вы же знаете: я никогда вас не подводил и сейчас, гарантирую, всё будет в лучшем виде.

Кроме супа из акульих плавников Андрей заказал шарики из крабового и креветочного мяса, трепангов, весенние голубцы, понравившиеся ему своим названием "Красные хвостики", а если проще – особым образом приготовленные креветки и китайское вино "Мэй-Хуа".

Местом для ужина был выбран Морской зал ресторана "Золотой Дракон". Настя сначала огорчилась, когда узнала, что утку по-пекински в этом ресторане нужно было заказывать заранее, но потом смирилась, и даже не жалела об этом. Потому что блюда, заказанные Андреем, пришлись ей очень по вкусу.

Стены Морского зала были искусно задрапированы кусками сетей и расцвечены разноцветными лампочками, неяркий свет которых создавал в помещении приятный полумрак. В аквариумах, стоящих тут и там, плавали среди водорослей диковинные рыбы.

Андрей почти не пил, так как возвращаться домой им предстояло на его машине. В основном он налегал на свежайшие морепродукты, так вкусно приготовленные китайским кудесником-поваром.

– Вот-вот, поешь, милый, силы тебе сегодня ещё ой как пригодятся, – подшучивала над ним Настя, – совсем исхудал за прошлую ночь.

– погоди, ещё пожалеешь, что смеялась, вот возьму, и спать завалюсь после такого плотного ужина, – отшучивался Андрей.

– Знаю я, как ты спать завалишься после акульего супчика, – парировала Настя.

Так, перешучиваясь и дурачась, разглядывая белых змееподобных рыб, неспешно плавающих в больших аквариумах, посетителей за соседними столиками, они почти закончили ужин. Когда им принесли десерт, внимание Андрея привлекла подсевшая за соседний столик компания из трёх гориллоподобных парней.

Новые посетители заказали лишь пару пива и бутылку минеральной воды. С принесшим заказ официантом рассчитались сразу.

– Не иначе, караулят кого, – подумал про себя Андрей, – Хорошо, что Настя сидит к ним спиной, а то бы вмиг хохотать перестала, завидев их рожи.

Покончив с десертом и расплатившись, они, наконец, направились к выходу. Официант, получивший чересчур щедрые чаевые, проводил их до дверей зала. Подойдя к зеркалу, Настя посмотрелась в отражение, поправила и без того идеальную причёску и обернулась к Андрею:

– Андрюш, подожди меня минутку: мне в дамскую комнату заскочить хочется.

– Конечно, иди, котёнок.

Когда дверь за девушкой закрылась, он потянулся в карман за сигаретами, но был остановлен вопросом подошедшего сзади метрдотеля:

– Простите, это вы господин Русаков?

– Я, а в чём, собственно, дело?

– Вас просят к телефону. Вы можете поговорить с аппарата в баре.

– А кто спрашивает?

– Какой-то мужчина, но он не назвался.

Это было довольно странно: Андрей никому из знакомых не говорил, что собирается провести вечер с Настей в "Золотом Драконе". Тем не менее, он направился вслед за метрдотелем к бару, на стойке которого стоял телефон.

Музыка в баре играла довольно громко, поэтому расслышать, что же говорили на том конце провода, он не мог. Прокричав несколько раз "аллё" в трубку и услышав в ответ лишь какие-то непонятные звуки, он, обернувшись к метрдотелю произнёс:

– Ничего не слышно, только сопение какое-то. Наверное, это из-за громкой музыки.

– Странно, – ответил метрдотель, – когда вас вызывали, голос слышался довольно отчётливо.

В груди у Андрея что-то кольнуло, рождая неясную тревогу. Он поблагодарил метрдотеля, положил трубку на аппарат и пошёл к выходу, где уже должна была дожидаться его Настя. Однако девушки нигде не было видно.

– Может быть, уже вышла на улицу в поисках меня, – подумал он и обратился к стоявшему у дверей швейцару: – Вы не видели, случайно, девушку, с которой я ужинал?

– Случайно видел. Она только что вышла. Наверное, с вашими друзьями? Во всяком случае, один из них обнимал её за плечи. – и, увидев, как вмиг переменялось лицо Андрея, встревожено спросил: – что-нибудь не так?

Но Андрей уже выбегал из ресторана. Чуть поодаль, в темноте, хлопнула закрывающаяся дверь автомобиля, и тотчас с места сорвался и понёсся в сторону Стромьинки огромный "Lincoln Navigator"

– Это они, больше некому, – решил Андрей, кидаясь к своей "копейке".

Отлично отлаженный, хоть и старенький движок, завёлся с пол-оборота и взвыл обиженно: за всю трудную жизнь никто не гонял его на таких оборотах. Машина сорвалась с места и понеслась вслед за похитителями.

Но разве могла старенькая "копейка" угнаться за линкольном? Расстояние между машинами сокращалось на поворотах в переулки, когда Андрей на всём ходу бросал машину в вираж, и увеличивалось на прямых, где тяжёлая, но мощная машина похитителей уходила от Андрея, как от стоячего.

Резина визжала на поворотах, мотор нутужно взывал, когда Андрей менял передачи, но к джипу, несмотря на все его старания, он не приблизился ни на йоту. Машины летели в сторону Измайлова.

– Если не догоню их до начала Измайловского шоссе, уйдут, гады, – пронеслось у него в голове.

Педаль газа и без того была вдавлена в пол. Изношенный движок, казалось, и хотел бы помочь хозяину, да не мог выжать из себя большего. После Электрозаводского моста, когда джип с Настей вышел на прямую, расстояние стало стремительно увеличиваться.

И не было никакой надежды догнать похитителей. Редкие в этот поздний час машины испуганно шарахались к обочине от несущихся с бешеной скоростью автомобилей.

– Эх, жалко, мерс продал, – не к месту пронеслась в голове Андрея шальная мысль.

Когда он поравнялся с двадцатипятиэтажной башней, стоявшей в начале Измайловского шоссе, настигать стало уже некого: ни впереди, ни по сторонам, сколько хватал глаз, "линкольна" не было видно.

В надежде, что похитители отсиживаются в каком-нибудь дворе, Андрей поездил среди домов, расспрашивая о джипе редких собачников, но никто из них подобной машины не заметил. Радовало только, если в такие минуты можно говорить о радости, то, что он успел запомнить номер машины похитителей.

Внезапно, ожил мобильник, до этого весь вечер молчавший в кармане рубашки.

– Слушай сюда, гонщик, – раздался из трубки незнакомый голос, – Девка твоя у нас. Да не бойсь, ничего с ней не сделали. Никуда об этом не заявляй, иначе – худо ей будет. Сейчас езжай домой и жди, тебе позвонят когда надо.

– Дай мне с ней поговорить, скотина! – прокричал в трубку Андрей, но оттуда уже неслись только короткие гудки.

С тяжёлым сердцем он добрался до квартиры и приготовился к ожиданию звонка. Ещё не зная наверняка, Андрей, почему-то догадывался, что похищение каким-то образом связано с его долгом и сегодняшним отказом от предложения Кости. Но наверняка всё же не был уверен в этом. Он бродил по квартире, то тут, то там натываясь взглядом на Настины вещи. Изредка брал в руки то одну, то другую, как бы надеясь ощутить оставшееся в них тепло их хозяйки.

Сообщать о похищении девушки в милицию в этой ситуации было опасно. Он прекрасно знал, как топорно, порой, работает милиция. Слишком уж велик был риск потерять любимую навсегда. Нет, этот вариант уж точно отпадал. Кто знает, на что пойдут похитители в этом случае? Значит, что бы ни потребовали, вначале нужно соглашаться. На всё. А думать он будет потом.

– Только бы с ней ничего не сделали, только бы не причинили вреда, – проносились в голове мысли. – Если им нужен я, тогда почему похитили её? Надеются, что я пойду на сотрудничество? В таком случае ей пока ничего не грозит. По крайней мере, до тех пор, пока я не отвечу отказом... А что, если попробовать освободить её своими силами? Кто может помочь в этой ситуации? Рассмотрим-ка возможные варианты. Нет, лучше сделать это утром: утро вечера мудренее.

Четверг

Похитители больше так и не объявились. Ночь Андрей провёл практически без сна. Впрочем, какие-то минуты забытья всё же периодически наступали, но кончались они так быстро, что не стоило принимать их в расчёт. Едва забрезжил рассвет, он был уже на ногах, меряя широкими шагами комнату из угла в угол. Сейчас было ещё слишком рано, чтобы начинать какие-то действия. А, значит, оставалось время подумать о тех, кто мог бы помочь ему вернуть Настю. Наконец, когда стрелки на часах показали семь, он подошёл к телефону и набрал номер.

Валера ответил не сразу. Понадобилось семь или восемь звонков, прежде чем он снял трубку:

– Слушай, задолбал ты меня со своей Светой, – проговорил он сонным голосом. – Что, не можешь правильно номер набрать?

– Я не со Светой, я с Настей, – ответил в тон ему Андрей. – Привет, это Андрей.

– А, Андрюша, привет. – Валерин голос несколько повеселел. – Знаешь, какой-то идиот всю ночь названивал, Свету свою искал. Я подумал, снова он. Что это ты так рано? Случилось что?

– Валер, какие-то беспредельщики Настю похитили. Я подумал, может ты сможешь помочь?

– Ты ещё спрашиваешь! Они уже чего-нибудь потребовали?

– Пока нет. Связались со мной по мобильнику и сказали, что позвонят, когда нужно будет. Я примерно представляю, зачем им понадобилось это похищение, но это долгая история.

– Что по мобильнику связались, это хорошо: значит, знают номер и тебе не нужно всё время сидеть на домашнем телефоне. Когда сможешь подъехать ко мне?

– Да хоть сейчас.

Андрей был готов в секунду сорваться с места и мчаться хоть к чёрту на рога, лишь бы быстрее вернуть любимую. Но Валера, даром, что со сна, оказался более рассудительным:

– Нет, сейчас не нужно. А вот часиков в девять подъезжай ко мне в контору. Расскажешь подробности, покумеаем.

До девяти часов была уйма времени. Тем более, что в контору к Валере ехать было не так и далеко: на Таганку. Его охранное агентство "Кольчуга" занимало пару комнатух в старом, потрескавшемся от времени кирпичном особняке.

Когда Андрей подъехал по нужному адресу, он с трудом разыскал вывеску агентства среди почти десятка других, вывешенных у двери. В первой комнате было так накурено, что трое здоровых парней, резавшихся в домино за облупленным столом, виднелись, будто в тумане. На вопрос Андрея о том, как увидеть Валеру, один из них, сделав очередной ход, только молча мотнул головой в сторону двери, ведущей во вторую комнату.

Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, он увидел Валеру, завороченно изучающего что-то на мониторе компьютера. Заметив вошедшего, Валера приподнял голову и сделал приглашающий жест рукой: мол, проходи, присаживайся. Ещё немного пощёлкав мышкой, он, наконец, оторвался от своего занятия и с торжествующим видом посмотрел на Андрея:

– Ну вот, всё сошлось.

– Что?

– Пасьянс сошёлся. Я, знаешь, люблю это дело с утра под первую чашечку кофе. Развивает мои мыслительные способности. И помогает сосредоточиться. Ну, рассказывай.

Застав друга за столь легкомысленным занятием, Андрей поначалу даже обиделся. У него несчастье, а друг пасьянсы раскладывает. Но вслух высказывать этого не стал. В конце концов, у каждого есть свои слабости. Поэтому он уселся в предложенное хозяином кабинета кресло и стал, по возможности не упуская ни одной детали, рассказывать о том, что же приключилось с ним и его Настей.

Валера слушал почти не перебивая, лишь изредка задавая наводящие вопросы. Выслушав друга, он поднял телефонную трубку, набрал номер и, когда на том конце провода ответили, проговорил:

– Привет Веня. Я, как всегда, к тебе со шкурным вопросом. Нет, нет, – он засмеялся, видно в ответ на слова невидимого собеседника, – только информацию. Скажи-ка мне, дорогой: сможешь для меня узнать, на кого зарегистрирован джип линкольн "Навигатор" с госномером р689те77?

Что уж там говорил ему невидимый Веня, но только Валера опять засмеялся. А, отсмеявшись, серьёзно сказал в трубку:

– Нет. Там дело покруче будет: они, кажется, человека похитили. Моего друга девушку. Поэтому мне этот хозяин позарез нужен. – Он помолчал, выслушивая собеседника, потом заговорил снова: – Нет, именно поэтому я к вам официально обращаться и не стану. Утечка от вас может быть. Мы уж сами, своими, так сказать, силами. Хорошо, подожду.

Веня, должно быть, полез в какую-то свою базу данных. Искал он недолго. Уже через пару минут Валера встрепенулся и, сказав: – "Записываю", – начал что-то черкать карандашом по листу бумаги, лежавшим перед ним. Закончив писать, поблагодарил, пообещал перезвонить часика через три и повесил трубку. Потом, подняв голову на сидящего в нетерпении Андрея и произнёс:

– Пока ничего утешительного. Машина зарегистрирована на гражданку Сычёву Надежду Павловну одна тысяча тридцать второго года рождения, проживающую по улице Яблочкова. Я думаю, пока эта информация нам ничего не даёт. Скорее всего, джип был приобретён на её имя, но ездят на нём совершенно другие люди. Которым она сразу после покупки выписала генеральную доверенность.

Так что ехать к ней смысла нет. По крайней мере, я его не вижу. Гораздо больше я надеюсь на Веню. Это мой кореш армейский, сейчас в аналитическом отделе МВД РФ сидит. Ну и, конечно, имеет доступ к самой различной инфе. Он сейчас пошарит по архивным делам, посмотрит, не засвечивалась где-нибудь эта самая гражданка Сычёва. Потому что деляги, которые на подставных лиц такие машины оформляют, совсем незнакомых на эту роль не берут. Прямо скажу, Веня недаром народный хлебушек трескает. Что-нибудь, да раскопает. Ну, а не раскопает, сами к этой загадочной владелице "Навигатора" заявимся. А пока давай подождём.

За три часа ожидания Андрей вконец извёлся. Но Валера был непреклонен:

– В спешке лишь кошки плодятся, – отвечал он на все предложения Андрея позвонить Вене. – Ты же знаешь: любую мало-мальски серьёзную операцию нужно спланировать. А как планировать, когда мы не знаем исходных данных? Нет, звонить будем в полдень, не раньше.

Но Веня позвонил сам. За десять минут до назначенного Валере срока. И снова тот схватил карандаш, записывая передаваемые Веней сведения. Наконец, получив всю раскопанную Веней информацию, Валера подмигнул Андрею, а в трубку начальственным тоном сказал:

– Благодарю за службу товарищ майор. Когда вас вышибут из министерства, что вряд ли, с радостью возьму вас к себе в агентство. – Затем, послушав собеседника, добавил: – И оклад положу самый высокий. Ну, пока.

Повесив трубку, деловито потёр руки и, подтянув к себе листок, произнёс:

– А я что говорил? Вот, пожалуйста: всё, что нас интересовало. Значит, смотри. Гражданка Сычёва, урождённая Каманина, тридцать второго года рождения, в тысячу девятьсот пятьдесят седьмом вышла замуж за гражданина Сычёва Ивана Поликарповича. Который за полтора года до этого закончил отбывать пятилетний срок за разбой.

Пожили они в мире да согласии немногим более пяти лет, после чего означенный Сычёв И.П., кличка Сыч, снова угодил за решётку. И снова по той же статье. Но в этот раз ему, как рецидивисту, назначили девять лет лишения свободы. Которые он, надо сказать, отсидел от звонка до звонка по причине своего неуживчивого характера.

Следующая ходка означенного гражданина случилась только через двенадцать лет. Но уже за организацию преступного сообщества, проще говоря – шайки, занимающейся всё тем же: грабежами и разбоями. За эти двенадцать лет Сычёв пару раз был под следствием, но каждый раз уходил от ответственности по недоказанности. В этот раз он получил шесть лет из которых отсидел три и совершил побег.

Поймали и навесили ещё пять. Но и их он не отсидел до конца. Потому что скончался в тюремной больнице от сепсиса. Вот, собственно и вся история.

– И что эта история нам даёт? – Андрей был озадачен. – Ведь если он умер, не мог же он с того света вернуться и похитить Настю на джипе, записанном на его вдову?

– Он не мог. А вот тот, кто сидел вместе с ним – запросто.

– Слушай, так с ним вместе тысячи людей сидели. Что же нам, каждого теперь проверять?

– Нет, каждого не нужно. Проверим всего одного. Помнишь, я тебе сказал, что гражданин Сычёв обладал очень неуживчивым характером? За это и страдал: вечно тянул полный срок. Потому что не мог сойтись на зоне ни с кумом, это было для него вообще западню, ни с местными паханами, которые зону держали.

После неудачного побега, когда ему срок новый накиннули, перевели его под Архангельск. Где он довольно тесно сошёлся с таким же, как и он сам одиночкой. Некий Алексей Николаевич Долгих, более известный в определённых кругах, как Лёша-Справочник. Так вот, продолжаю: Сычёв на зоне опекал по всякому этого самого Справочника. Почти как сына. Жили они в одном бараке, работали в одной бригаде. Вскоре после того, как Справочник вышел на волю, Сычёв скончался.

Веня считает, а ему конечно виднее, что Лёша-Справочник, либо его подельщики, воспользовались паспортом вдовы Сыча. На всякий случай он навёл справки о Справочнике, уж извини за каламбур. Проживает Алексей Николаевич Долгих в том же районе, что и формальная владелица машины. Только подальше, почти в самом конце Дмитровского шоссе, у кольцевой. Поэтому, вполне вероятно, что это именно они и есть. Давай-ка потрогаем их за вымы первыми.

– А если это не Справочник Настю похитил? – засомневался Андрей.

– Ну, а если не он, так придумаем что-то ещё. Всё равно лучшего варианта у нас пока нет.

Так что давай собираться. Ты уж извини, но ребят своих я тебе не дам. Я же контору недавно открыл, в деле их ещё не проверил. А ну, как подведут в опасную минуту? Да и лишние языки нам только помешать могут: кто знает, как там дело повернётся? Поэтому поедем вдвоём. Ну, мы-то друг друга знаем. Сколько ж мы с тобой в дозор ходили? Не сосчитать! Что это я рас воспоминался? Давай-ка посмотрим, что с собой брать.

Валера поднялся из-за стола и подошёл к большому, старорежимному сейфу, стоящему чуть дальше, в углу. Достав из кармана связку ключей, выбрал нужный, открыл замок и потянул дверцу сейфа на себя. За дверцей обнаружились пара полок, заваленных бумагами и ещё один, внутренний ящик, также закрытый на замок. Взяв в руку ключик поменьше, он повернул им в замочной скважине два раза и ящик открылся.

Всего арсенала Андрей рассмотреть не успел, однако заметил, что кроме пары пистолетов и нескольких коробок с патронами, там покоились четыре гранаты Ф-1 и нож в занятых

ножах на липучке. Выщелкнув из одного пистолета полную обойму, Валера посмотрел на неё и, удовлетворённо хмыкнув, со звонким щелчком вставил обратно. Затем повернулся к Андрею и спросил:

– А ты что брать будешь?

– Гранатомёт. А если серьёзно, давай и мне машинку. И, заодно, ножик возьму.

Достав из-под стола небольшую сумку на длинном ремне, Валера сложил туда несколько запасных обойм, пару гранат, из ящика стола достал и отправил вслед за ними пару чёрных шапочек с прорезями для глаз, три пары наручников и баллончик с перцовой вытяжкой.

– Это если собака в доме окажется, – пояснил он Андрею. – Животное ни при чём, зачем его жизни лишать?

– Ты так говоришь, как будто уже там был и всё видел, – усмехнулся Андрей.

– Я же сказал "если". Ну всё, – проговорил он, видя, как Андрей запикивает свой пистолет под брюки и прикрывает рубашкой, – раз собрались, нужно ехать.

Выйдя из кабинета, Валера помахал рукой, разгоняя дым, который плавал в соседней комнате уже слоями, и со словами:

– Меня не будет до вечера. Если кто придёт с заказом, приглашайте на завтра с утра, – покинул агентство. Андрей с сумкой, набитой снаряжением, вышел следом.

Ехать предстояло на "бээмвухе" Валеры. Машина стояла тут же, у подъезда и выглядела не лучше стоявшей рядом машины Андрея. Валера наотрез отказался от поездки в "жигуле". Только рассмеялся в ответ на предложение друга:

– Ты же сам сегодня говорил, как вчера от этих гнид отстал. А от моей тачки они уже не оторвутся. У неё движок, как птица поёт. Я гаишные мерсы на ней вставляю. Садись.

Ловко маневрируя в довольно густом потоке машин, двигавшимся по Садовому кольцу, Валера продвигался в сторону Дмитровского шоссе, успевая рассказывать:

– Мне что-то последний год так муторно было на службу ездить, что не выдержал. Пришли какие-то новые все. Молодые. Работать по-настоящему из них мало кто умеет и хочет, а командовать все желают. И денег тоже хотят, и власти. И что-то странное с тех пор стало у нас твориться. Кто хорошо работал раньше, в момент оказались вдруг ненужными. Мешать мы стали тем, кто в милицию подался, чтобы денег срубить.

Тут носишься с утра и до утра, пятки в кровь стираешь. Всё стараешься, как лучше сделать. С поднадзорным контингентом беседуешь, профилактику проводишь. Чтобы не только тем, кто рядом, легче жилось. А чтобы и тем, кто оступился однажды, дороги назад на зону не было. А эти... Не успел год отслужить, смотришь, уже иномарка у него. Да не какая-то там, а крутая, с наворотами. Откуда деньги? Понятное дело: крышует кого-то.

Сейчас ведь на каждом углу то палатка какая, то магазин. Или бабульки с пучком укропа у метро. Не поверишь, Андрюша, со всех бабки сосут. Так, дело прошлое, стыдно было в форме ходить. Всё казалось, что меня тоже за такого считают. Подал рапорт и ушёл. Не поверишь, только подал – они уже отпустили. Хоть бы слово какое сказали. А так, прослужил в ментуре почти восемь лет и – на тебе!

Сейчас, конечно, грех жаловаться, деньги нормальные капают. Но это же всё не то! Ну, охраняют мои балбесы каких-то тузов. А толком и не обучены вовсе. Так, мясо. Я бы ребят толковых подобрал, да на это большие деньги нужны. Плюс оборудование, транспорт, то, сё. Мне бы компаньона с деньгами, да только где его взять? После дефолта у всех моих знакомых в карманах торричеллева пустота. Вот, к примеру, у тебя.

А может, надо было тебе согласиться на предложение этого Кости? Ну и что же, что контрабанда? Никогда лишний доллар не вывозил, что ли? Зато Настя твоя была бы сейчас свободна. Да и у тебя дела бы поправились. Говоришь, полтинник долга простить обещались?

– Полтинник-то полтинником, да мне вообще не нравится, когда меня на крючке держат. Потом, это ведь дело такое: я им вывезу тот камень, а потом стану опасен, как свидетель. Я-

то ведь историю того изумруда не знаю. А вдруг он краденный откуда-нибудь из Грановитой палаты или ещё откуда? Нет, я считаю, лучший ход, это если мы Настю вызволим, а потом я им такие баки заверну, чертям тошно станет.

Но сначала всё-таки расплачусь с банком. Я с одним купцом договорился на выходные. Может, он клюнет на мою квартиру в Паттайе? Тогда и долг смогу отдать, да, глядишь, тебе на развитие подкину.

– Ну, что ты за человек, – укоризненно посмотрел на него Валера. – Я разве для того говорил тебе о своих трудностях, чтобы ты мне помогал? А может ты думаешь, что я с тобой еду сейчас в надежде на то, что ты потом бабки вложишь в моё дело?

– Дурак, – беззлобно откликнулся со своего места Андрей, – я же от всей души. Долго ещё?

– Подъезжаем уже, – проговорил Валера, по бумажке сверяясь с адресом. – Где-то здесь, во дворах.

Нужный дом стоял среди других, таких же стандартных панельных башен-многоэтажек. Медленно проехав вокруг него, друзья не обнаружили джипа. Но это ничего не значило: он вполне мог отставаться где-нибудь на близлежащей стоянке. Зато они определились с подъездом, в котором и была квартира Справочника. Валера остановил машину у соседнего подъезда и, выйдя из неё, пошёл к дверям парадного. Поднимаясь по лестнице, просматривал номера квартир и облегчённо вздохнул, когда добрался до четвёртого этажа.

Судя по расположению входной двери, из-за которой доносились громкие звуки музыки, окна квартиры Справочника выходили как раз на лицевую сторону здания. Впрочем, иного он и не ожидал: нормальный вор-законник просто не мог поселиться в квартире с окнами, из которых не виден вход в подъезд.

Прижав ухо к входной двери, Валера слышал сквозь звуки музыки чьи-то голоса. Значит, хозяева дома. Ну, что же: пора спускаться вниз за Андреем и начинать выкуривать их наружу. А для этого у него был заготовлен отличный ход.

Достав из багажника мятую брезентовую ветровку с надписью "Мосэнерго" на спине и бейсболку с такой же эмблемой, он натянул всё это на себя и вместе с Андреем поднялся на четвёртый этаж. Сначала нашёл телефонный провод, ведущий в квартиру и перекусил его кусачками, которые достал из кармана куртки. Потом подошёл к распределительному щитку. Там, приоткрыв дверцу, нашёл предохранители от нужной квартиры.

Убедившись, что Андрей готов к приёму клиентов, Валера, сняв бейсболку, натянул на голову шапочку. То же самое проделал Андрей. Теперь их вполне можно было принять за персонажей "маски-шоу". Если бы не бейсболка, которую Валера одел поверх шапочки козырьком назад. Затем, дав знак другу, он щёлкнул тумблерами предохранителей. Музыка за дверью мгновенно смолкла. С минуту было тихо, затем из-за двери послышался голос:

– Опять, наверно, херня какая-то с пробками. Сейчас посмотрю.

Входная дверь в квартиру начала открываться. Андрей поднялся на пару ступенек вверх по лестнице, прижался к стене и приготовился к атаке. Валера в это время копошился у распределительного щитка, прикрывая спиной взведённый пистолет, который уже переключал из его кармана в руку. Из раскрытой двери показался полураздетый детина. Из всей одежды на нём были только джинсы и домашние тапочки на босу ногу. Заметив копошащуюся у распределительного щитка незнакомую личность из "Мосэнерго", детина шагнул вперёд:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.